

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

**ТРУДЫ
ПО
РОССИЕВЕДЕНИЮ**

Выпуск 4

Москва 2012

Коллектив авторов Труды по россиеведению. Выпуск 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38611996

Труды по россиеведению. Выпуск 4. 2012:

ISBN 978-5-248-00681-6

Аннотация

В связи с тем, что 2012 г. объявлен в Российской Федерации Годом российской истории, в выпуске обсуждаются наиболее острые и спорные вопросы отечественного прошлого. В этом же контексте рассматриваются проблемы исторической памяти и национальной идентичности. Анализируются возможности и перспективы россиеведения как исследовательского направления и учебной дисциплины. В издание также включены материалы семинара Центра россиеведения.

Для специалистов-обществоведов и гуманитариев, аспирантов и студентов.

Содержание

Год российской истории и проблемы россиеведения (От редактора)	4
Россия в зеркале русской поэзии	25
Снимок	27
Канун	29
Канун	30
Памяти доктора Живаго	32
Памяти Афанасия Фета	36
Голос за снимком	38
«Собрался к маме – умерла...»	40
Фестиваль песни в Сопоте в августе 1969 г	41
Голгофа	43
«Жизнь как будто ничего...»	45
«Это я...»	46
За строкой исторической хроники	49
Современная Россия	52
«... Апрель двенадцатого года»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Труды по руссиейедению.

Выпуск 4. 2012

Год российской истории и проблемы руссиейедения (От редактора)

«Труды по руссиейедению»-2012 оказались более «историческими» (даже историкоцентричными), чем выпуски прежних лет. Это не случайно. Объявление 2012 г. Годом российской истории стало и для нас поводом для того, чтобы посмотреть, каково место истории и историка в нашем обществе, чего оно от них ждет (если ждет) и оправдываются ли эти ожидания. Не случайным представляется и то, что любая ретроспекция «Трудов...» так или иначе возвращает к современности – к разговору о природе, состоянии, задачах России-2012. Это еще одна главная тема выпуска, которой посвящен соответствующий блок материалов.

Сначала – о том, в чем мы видим современность исторических работ, опубликованных в «Трудах...». Актуальное звучание имеют даже, казалось бы, исключительно ретроспективные исследования: И.Н. Данилевского – о происхождении «элит» Древней Руси, А.В. Гордона – о формировании нового образа власти в XVIII в. и способах его репрезентации, О.В. Большаковой – о значении 1812 г. для становления русского национального самосознания, А.С. Сенина – о железнодорожном строительстве в дореволюционной России. Актуальны они не только потому, что адресуют к главному «академическому» вопросу Года истории: что и как изучается, что, как и для чего изучать (кстати, именно с этой точки зрения анализирует события этого знакового для историков года В.П. Булдаков). В работах поднимаются вполне современные проблемы, имеющие общественно-политическое значение.

И.Н. Данилевский, предлагая не абсолютизировать в связи с очередным «юбилеем» отечественной государственности противостояние «норманистов» и «антинорманистов», обращает внимание на действительно серьезный и подлежащий обсуждению вопрос: о качестве древнерусских «элит». Само происхождение делало их космополитами (в данном контексте этот современный термин вполне уместен); космо-

политичные «верхи» задавали соответствующие параметры государственного, культурного развития. Вопрос о том, почему «элиты» стимулируют русский мир к замкнутости или открытости, об уместности и эффективности таких ориентаций, как никогда актуален сегодня. А.В. Гордон, с символической стороны рассматривая петровское и екатерининское преобразование России, по существу, говорит об алгоритме наших преобразований, о том, как ведет себя власть, ощутившая необходимость перемен, как формируется образ «новой России» по воле власти-преобразователя. В центре исследования О.В. Большаковой – еще одна типическая русская проблема, чрезвычайно важная для нашего времени. Специфика национального самоопределения состоит в том, что толчком к рождению национального чувства, «источником» нации является Отечественная (народная, освободительная, победоносная) война. Понять механизмы связи национального и военно-отечественного – задача не узкоисследовательского, а широкого культурно-политического значения. Наконец, работа А.С. Сенина имеет перспективно-практический смысл: в ней выявляются традиционные для России проблемы железнодорожного хозяйства (иначе говоря, инфраструктурного обеспечения единства страны) и пути их решения.

Еще более современно звучат материалы, характеризующие некоторые стороны советской истории. Статьи Е.Ю. Мелешкиной и И.А. Гордеевой посвящены частным, очень кон-

кретным сюжетам и в то же время выводят на большие проблемы: о типе государственного управления, идеологии и технологиях поддержания территориально-государственной общности, способах властной самоорганизации; о становлении общества в России, специфике его отношений с государством/властью, характере общественной активности. Эти проблемы имеют не узкоисторическое, а социально-политическое, культурное значение; они не привязаны к конкретным эпохам, но пронизывают всю русскую историю.

Анализируя особенности административно-территориальной и национальной политики СССР, основные стратегии «присвоения» (поглощения) национальной периферии, Е.Ю. Мелешкина показывает не только очевидное – как союзное институциональное наследие повлияло на политическое развитие постсоветских государств, но и неявное – как формировался потенциал распада. По существу, в «кратких заметках» опровергается устойчивое представление о «развале» СССР как спецоперации «заговорщиков», кознях внешних и внутренних «врагов». Национально-государственное образование, которому в этом году исполнилось бы 80 лет, имело внутренние основания к распаду (главное: местные национализмы как двигатель дезинтеграции, национальные «элиты» как ее субъект). И среди прочего оставило в наследство то, что стало определяющим для постсоветской административной системы: патронажно-клиентельные отношения, которые «модерируются» личными связями и кор-

рупцией. Именно это наследие, модернизированное и адаптированное к настоящему моменту, уничтожает сейчас и систему, и страну.

В частном сюжете – истории появления пацифизма в позднесоветские времена – речь по большому счету идет о становлении в СССР гражданского общества. Общественное самоопределение всегда происходит у нас через отрицание – власти, системы, официоза, так как является им прямым вызовом. Качество советской системы, ее претензия на монополию в любой сфере таковы, что это «правило» действовало абсолютно, тотально. Поэтому любая инициатива приобретала протестный характер. Советские «общественники», решившие вместе (заметьте, не вместо) с государством бороться за мир, шли у него по разряду «антисоветчиков». В ответ на самодеятельность государство объявило им войну – и это была адекватная реакция: пытаюсь играть на его поле, самим намерением нарушая госмонополию, они неизбежно становились врагами.

Важно другое: общественные деятели и гражданские инициативы вызывали (и вызывают сейчас) отчужденно-враждебную реакцию сограждан. В лучшем случае «антисоветские вылазки» встречали недоумением: что им надо? Так и сейчас: активничаешь – значит пытаешься заместить государство, ты – его враг; лезешь «против власти» – «чужой», «вредительский» элемент («враг народа»). Нашим гражданам что власть, что активисты-общественники – все едино.

Но власть хотя бы управляет и принимает решения – ее терпят; на «несогласных» смотрят презрительно-подозрительно – как на бессильных и бессмысленных смутьянов (Болотная для большинства народонаселения – именно такое собрание, своего рода символ смуты). Народ, скорее, готов идти с властью (какой бы она ни была) против них, чем с ними за свои права. У нас люди исторически не верят ни в «низовую» защиту интересов, ни в заступничество – защитить их может только «хороший царь», да и то если захочет. Все остальное – мошенничество в чьих-то частных, корыстных целях.

Именно по этой линии исторические материалы «Трудов...» связаны с работами, объектом анализа которых является наша современность. Основное внимание уделяется в них внутренним российским делам. Каждый автор выбирает свой угол зрения, необходимый для их понимания.

Ю.С. Пивоваров рассматривает современную Россию сквозь призму прошлого. Главные вопросы для него: как мы «читаем» собственную историю, чем руководствуемся, «организуя» поток событий, с какими историческими тенденциями солидаризируемся? Общество самоопределяется, отвечая на эти вопросы; с историческим наследием и отношением к прошлому во многом связаны его перспективы. В.Б. Пастухов пытается понять логику российского развития через эволюцию режима в «нулевые» – «десятые» годы. Делает это остро, бескомпромиссно, на удивление свободно. Нынешний политический строй, полагает он, адекватен со-

стоянию российского общества, и в этой адекватности – секрет его стабильности, его резерв.

Оба автора уделяют значительное внимание нашим перспективам. Для В.Б. Пастухова они являются следствием поражения «Болотной революции» и «бюрократической оптимизации» режима. При нынешних конфигурации власти/государства/системы и состоянии общества России грозит возвращение в мрачное «средневековье» (не в смысле времени, а по качеству социальной практики). Шансов на «хорошее» будущее практически нет – набирает силу традиционалистско-националистически-погромная реакция. Ю.С. Пивоваров связывает перспективы с экспансией гражданского активизма, самоутверждением гражданского движения, иначе говоря, с судьбами «новой России». Современный русский выбор зашифрован, по его мнению, в двух словах: сталинизм и либерализм. Не случайно именно они раскалывают наше общество. И это – раскол по ценностям, предполагающий нравственный выбор. «Правильный» выбор – продвигающий страну вперед, а не отбрасывающий ее в прошлое, – по силам обществу. Оно не сковано исключительно опытом самодержавного деспотизма, произвола и насилия, социальной бесчувственности, апатии, черносотенной реакции, но обладает мощными эмансипационными традициями (см. об этом и «исторические диалоги», помещенные в выпуске). В обществе жива потребность в «нормализации», берущая истоки в великой самобытной культуре. В этом – наша надежда.

С этих двух «площадок» (прошлого и настоящего), в проекции случившегося и предстоящего наша современность рассматривается и в других материалах «Трудов...». В оценке ситуации и перспектив Ю.Н. Афанасьев, выступавший на одном из семинаров Центра россияведения 2012 г., скорее, совпадает с В.Б. Пастуховым. Его диагноз критический и даже безнадежный: «закат России». Наш французский коллега Ж. Радвани не столь категоричен, придерживается умеренной позиции; при этом не скрывает своей озабоченности. Ценность его позиции – в том, что она определена европейским опытом, задает сравнительный ракурс, усложняя оптику и корректируя наши «внутренние» оценки.

Значительное место в «Трудах...»-2012 занимает анализ положения России в мире, ее внешнеполитической стратегии. Текст А.Г. Арбатова имеет программный характер; он – о том, как ориентирована сейчас и какой должна быть российская внешняя политика. Для автора она напрямую связана с внутренней (ею направляется и на нее влияет), с состоянием общества, особенностями исторического существования страны. Теми же вопросами – как должна вести себя Россия, чтобы достойно войти в новый мир, где искать партнеров, какими принципами руководствоваться, – задается и О.Н. Новикова, характеризуя российские действия последних лет в Афганистане. По существу наши авторы показывают, что в новом, изменившемся и усложнившемся мире Россия пытается вести себя по-старому; политику определяет

инерция прошлого; возможности страны в геополитической ситуации начала XXI в. не выявлены, эффективные стратегии не разработаны. Причину несоответствия вызовов времени и политических ответов называет Ю.С. Пивоваров: не произошло «революции сознания» «класса управляющих». Совершенно изменившись, получив новый опыт, они тем не менее играют в старые игры, пытаются победить в «прошлой войне».

На неадекватность возникающих задач и предлагаемых решений указывает и О.Ю. Малинова, анализируя такую специфическую область политики, взаимодействия власти и общества, как работа с исторической памятью. Прошлое широко используется в современной российской политике, принося ощутимые выгоды. Однако применяется этот символический инструментарий бессистемно, фрагментарно, непоследовательно, противоречиво. – Добавлю от себя: так, как будто подчинен ограниченным, краткосрочным задачам. Наша историческая политика не определена «высокой» целью формирования нового идентификационного проекта, выращивания нового человека для новой России. Правящие верхи вполне устраивает старое (проект, человек, «Россия–СССР»); игры с памятью подчинены одному – удержанию власти, стабилизации текущей ситуации. Если и получается что-то еще, то это – побочные, «необязательные» эффекты. Поэтому нет целого (единой исторической картины, объединяющего подхода к прошлому), история раздроблена

на куски-образы, обрывки-смыслы. Вроде бы всё в рамках постмодернистской эклектики, но при этом авторитеты и абсолюты почему-то не отрицаются, а утверждаются (точнее, подтверждаются).

Своеобразным продолжением темы «власть и память» является подборка «формула памяти» из нашей постоянной рубрики «публицистическая мозаика». В ней собраны выступления лидеров государства и РПЦ (в нынешней ситуации властоцерковной «симфонии» такое объединение показалось нам целесообразным) по историческим вопросам, имевшие общественный резонанс. Заметим, что публицистический раздел мы рассматриваем не как фон к основным материалам, а важную самостоятельную часть «Трудов...», дополняющую ее в проблемно-тематическом отношении и задающую важные смысловые ракурсы. И наконец, обращаем ваше внимание на подборку «формула истории», где известные историки отвечают на вопросы – о времени, о профессии и ее соответствии времени, о самоощущении и самополагании. Неожиданно для нас из этих ответов сложился единый текст: не зная о том, «опрошенные» говорят и спорят друг с другом. Сам жанр такого профессионального разговора представляется нам интересным и небесполезным.

Материалы о современной России отличаются тематическое разнообразие, различие исследовательских языков, широкий спектр воззрений. Смешение жанров, тем, исследовательских подходов, мировоззренческих позиций (исключо-

чая крайние, социально опасные) вообще определяет образ издания. При этом наших авторов объединяет обеспокоенность происходящим в стране, стремление представить аутентичную картину происходящего, трезвость в его понимании.

Поэтому необходимо подчеркнуть, что нынешняя ситуация в России оценивается большинством авторов «Трудов...» как кризисная (у некоторых, повторим, ощущение кризиса доведено до последней степени остроты, трагизма). И все они озабочены поиском перспектив – ответов на вопросы: может ли Россия стать современной, т.е. адекватной современному миру, его вызовам, на каких путях – каковы модели развития, на которые следует ориентироваться, «дорожные карты», определяющие движение? Настойчиво предостерегающая интонация публикуемых работ, наличие в них «сценариев будущего», конкретных предложений по выходу из кризиса, т.е. своего рода заикленность на вопросе «что делать?», сами по себе представляются симптоматичными. Это лишний раз указывает на серьезность нашего положения и в то же время свидетельствует о возвращении чувства перспективы, которое наше общество в последние двадцать лет, казалось, полностью утратило.

* * *

Когда-то советский режим ампутировал у России про-

шлое: все, что было до 25 октября 1917 г., рассматривалось как предыстория; история начиналась с Октябрьской революции. Взамен, правда, дал будущее; советское общество формировалось вокруг темы будущего. Утопия совершенного мира стала точкой зрения на настоящее; для поддержания футуристического проекта было «изобретено» прошлое. История послужила материалом для легитимации власти, «укоренения» советской социальности – самостоятельного значения она не имела. Концепция национального прошлого, созданная в советское время и ставшая элементом массовой культуры, была позитивно заряжена верой в будущее. Падение СССР уничтожило эту веру, а вместе с ней – оптимистический потенциал советской памяти (тех представлений о прошлом, которые сконструировал режим и усвоили массы).

Самоопределение постсоветизма происходило прямо противоположным образом. Точкой опоры послужило для него прошлое – ближайшее, советское («остальное» нас научили рассматривать как предысторию – все до- и несоветское мало значило в нашей жизни, да и советский маскульт работал монопольно и результативно). Причем в советской же интерпретации: попытки адекватно взглянуть на это прошлое, привести в соответствие историю и наши представления о ней (в 1990-е выяснилось, как радикально они различались; поэтому то было время не отречения от своего прошлого, а его обретения) имели ограниченное соци-

альное значение. В «нулевые» годы болезненные ощущения неподконтрольности настоящего, разочарования были отчасти сняты массовым бегством в символическое убежище – понятный, привычный и потому комфортный и безопасный мир советского прошлого. Это наш «золотой век»: страна сбывшихся надежд, героических свершений и удовлетворенных (пусть и по минимуму) потребностей, завоевавшая мировое лидерство и обеспечившая социальную справедливость. Чем меньше оснований для гордости и уверенности в будущем давало постсоветское настоящее, тем больше общество погружалось в иллюзорный мир советского прошлого.

Каким-то непостижимо естественным образом оно стало не только единственной точкой зрения на день сегодняшних, но и нашим будущим. Социальные перспективы для России-2012 монтируются по лекалам советского времени; оно задает нам эталоны. Однако все эти, казалось бы, безобидные и «полезные» обществу темпоральные манипуляции основаны на подменах и самообмане (горделиво-самоутверждающая память об СССР «абстрагируется» от факта его падения, историй массового террора, хронического дефицита, лишений, бедности, запретов всего и вся, изоляции от мира и т.п.), а потому социально опасны. Общество привыкает питаться утопиями, химерами, смотреть на себя с некритических, нереалистических позиций. Оно живет, ностальгируя, вне истории (факты – то, как было «на самом деле», – не имеют над ним власти), разменяв на утопические

грезы реальные перспективы. Такой способ существования лучше всего говорит о его незрелости.

Зрелый социум не застревает в образах прошлого и будущего, дающих счастливое забвение; он обустроивает настоящее, понимая, что завтра будет таким, каким мы его строим сегодня, а сегодня – во многом «результат» дня вчерашнего. Мы же не хотим переходить во «взрослое» состояние, требующее ответственности, постоянного труда (на общее и частное благо), самоограничения, руководства идеалами, а не «придуманными» представлениями о себе. Погружение в иллюзорное дает возможность не касаться пугающих, острейших вопросов, которые ставит перед нами современность, но в то же время готовит почву для «антимодерной», архаизирующей реакции.

О том, что это такое и чем грозит, еще столетие назад писал П.Н. Миллюков.: «Начало XVII века... представляет... любопытную параллель с настоящим моментом: параллель, которая повторяется и в начале XVIII, и в начале XIX, и в начале XX века. Во все эти моменты нашей истории спокойное национальное развитие прерывается катастрофами, которые затрагивают не одни только социальные верхи, но глубоко, с самого корня захватывают и народные массы. И всякий раз оттуда, с социальных низов или от имени социальных низов – поднимается движение, принимающее параллельные формы народного взрыва и националистической реакции. В первой форме движение направляется против “бюрократии”, во

второй – против “интеллигенции” данного момента. Ничего творческого, ничего, кроме элементов “бытовой” и “этнографической” традиции, эти реакции в себе не содержат»¹.

По мнению П.Н. Милюкова, социальные катастрофы обнажают глубокие пласты прошлого, которое «еще не умерло в настоящем». Из соприкосновения с ним рождается «подлинно московский протест против элементов культуры и сознательной идеологии во имя «бытовой» и «этнографической» традиции. Смысл этого явления один и тот же, хотя бы на заре XVII в. оно называлось борьбой против политического «воровства», «пестроты» и «малодушества», на заре XVIII в. – борьбой против «проклятого немецкого зелья» и «антихристовой печати», на заре XIX в. – против «либералистов» и декабристов, на заре XX в. – против «жидомасонов» и «выборжцев». Если угодно, тут есть бессознательная традиция стихийного единства»². Проявившись в полную силу в катастрофе 1917–1930 гг., эта традиция не умерла еще и сегодня. Напротив, укрепилась и во многом определяет нашу жизнь.

Социальное большинство в начале XXI в. объединяет неприятие «бюрократии» («начальства», «зажравшихся верхов») и интеллигенции («ботаников», «бездельников», «болтунов», «либералов»), нежелание критически взглянуть на

¹ Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России: Сборники статей, 1909–1910. – М., 1991. – С. 359–360.

² Там же. – С. 361.

настоящее и узнать прошлое, стремление дать простейшие ответы на сложнейшие социальные вопросы, во всем «играть на понижение». Комплексы упования на власть и «особого пути», «ископаемый» национализм и антизападничество, ставка на насилие во всех социальных отношениях, психология «срединности» («я – как все», «моя хата с края», «от нас ничего не зависит») – это традиционный протест против современности, «модерных» (достижительных, состязательных и проч.) жизненных стратегий. Это своего рода социобиологические рефлексy защиты от мира – того сложного, непривычного, нестабильного, что в нем есть, всех его вызовов и проблем, порожденные низовым слоем массовой культуры. Препятствуя развитию (что всегда – усложнение, совершенствование, «экспансия»), традиционалистская реакция ограничивает социальную перспективу борьбой за выживание.

Теперешнее состояние российского общества вполне закономерно. Право на будущее надо заслужить. Чтобы остаться во времени, а не наткнуться на «бесконечные тупики» и не зависать в «застойных» паузах, необходимо научиться «жить по истории»: принимать такой, какой она была (но не в смысле «оправдывать»), видеть в ней перспективные и угрожающие национальному существованию явления, тенденции, традиции. И начать следует с советского прошлого – оно действительно является единственной основой нашего самоопределения. Это близкое и родное «вчера», с кото-

рым мы связаны и которое связывает нас, опасно – и нем есть то, что нельзя ни принять, ни оправдать. Об этом точно сказал И.А. Бродский: в XX в. Россия «обнаружила совершенно феноменальную степень отрицательного потенциала, заложенного в человеке... То есть Россия – это просто урок того, на что способен человек. Там... были истреблены миллионы – но чтобы истребить миллионы, нужны миллионы, которые будут истреблять, да? Поэтому в конечном счете Россия в каком-то смысле состоит из жертв и палачей... Я думаю, суть не в общественном, не в политическом зле, не в системе, а в том, на что способен человек. И Россия показала, что человек способен на зло невероятной интенсивности, невероятных размеров. Для человека, не знакомого с категорией первородного греха, – это шок»³. Конечно, дело и в системе тоже, потому что она делала ставку на худшее в человеке, культивировала зло (об этом – новая рубрика «Трудов...»: архивная смесь). Но в любом случае этот «урок» есть предостережение.

Такое прошлое требует объяснения. Его нельзя «слить» с другим, приемлемым, по принципу «и/и», просто сказав: так было. И не потому, что принцип неверен: в отношении к истории (как и в социальных отношениях вообще) перспективна только позиция терпимости и примирения, признания за другим права на собственное мнение, на заблуждение и ошибку. Но у этой позиции есть единственный огра-

³ Бродский И. Книга интервью. – 5-е изд. – М., 2011. – С. 329.

ничитель: не может быть моральной конвенции со злом. Не осудить опыт массового насилия, государственного террора, репрессирования культуры и морали, т.е. самоуничтожения, травмировавший несколько поколений (причем, не на страницах книг, телеэкране, политических мероприятиях, а на государственном уровне, законодательно), – значит не просто проявить нечувствительность к истории. Оправдание и даже поэтизация зла, а не цивилизации – это приговор, ликвидация собственных перспектив.

Если террор не ужасает общество, если этот ужас им оправдывается, – значит оно утратило ориентиры, внутренние «скрепы», разложилось и попросту перестало быть. Социальная общность развалилась на человекоатомы, кланы, корпорации и т.п., которые руководствуются только собственными интересами. Эту среду не объединить высокой идеей – ни религиозной, потому что здесь «исповедуется» антирелигиозное отношение к миру, ни правовой: правопорядок вырастает из идеалов, моральных принципов, соответствующей культурной базы.

Прошлое уже не «перепишешь»; настоящее не дает нам времени на разглядывание себя в оправдательном ракурсе. Поэтому у постсоветского «общества» нет альтернативы выработке обязывающего взгляда на историю – взгляда, который не извиняет и утешает, а сдерживает, ограничивает, дисциплинирует, призывает к ответу за случившееся и происходящее. Только с таких позиций должно формировать пост-

советскую память, как основу политического сознания гражданина, и постсоветскую идентичность. В этом залог социального «взросления» и спасения (не в высоком, метафизическом, а в примитивно-физиологическом смысле слова). Придать соответствующие смысловые рамки памяти – задача историка, профессиональная и гражданская⁴. В противном случае он останется страшно далек от общества, а оно окончательно отдастся стихии воинствующего антиисторизма.

Сейчас у нас отсутствуют и спрос, и предложение на «проработку» памяти, на адекватную современности, внятную, морально ориентированную концепцию истории. Это очевидно. Однако общество и историк все-таки нужны друг другу. Если они не встретятся на «площадке» обязывающего отношения к прошлому, история по-прежнему будет областью известного, но не понятого и потому непонятого, собра-

⁴ Социальная функция истории состоит в выявлении *значений* прошлого, его критическом осмыслении и понимании, донесении этого знания до общества. Это – не популяризация истории, а критическая «проработка» и гуманизация общественной памяти. Известный французский исследователь П. Нора так формулировал задачу историка: превратить в историю спрос своих современников на память. Тем самым в общество вносится сознание историчности, что дает культуре те внутренние напряжение и определенность, которые необходимы для развития. Французский историк Марру писал: человек освобождается от прошлого, давление которого он смутно ощущает, не через забвение, «но через усилие, направленное на то, чтобы вновь обрести его, совершенно сознательно принять его, сделав своей составной частью» (Marrou H. De la connaissance historique. – Р., 1954. – Р. 274). История, таким образом, оказывается «школой, учебной площадкой и инструментом нашей свободы».

нием неотрефлексированного травматичного опыта, «свалкой» фактов, мешаниной образов, лишенных внутренней логики и социального смысла. Это тупик. Не имея возможности апеллировать к «корням», вне сознания «происхождения» и «чувства места», не подкрепляя проекты будущего соответствующими традициями, не переживая свои травмы, не осуждая суицидальный исторический выбор и порочные практики, общество существовать не может. В этом случае оно не имеет точек сборки; не зная себя, не видит перспектив.

Тогда «скрепить» и «отформатировать» пластичную человеческую массу, эту «заготовку» для общества, можно только извне. Общественную память сконструирует государство/власть, задавая ей выгодные для себя резоны: государственная польза, революционная или стабилизационная целесообразность и т.п. «Присвоенная» память останется, по советскому образцу, средством социального управления, основой зависимости общества от власти, его несамостоятельности. И оправданием властного произвола. Историк в этом случае будет играть «служебную» роль, обслуживая государство. Пытаясь дистанцироваться от общественных «боев за историю», прикрываясь легендой профессиональной автономии, он неизбежно работает на этот сценарий⁵. Это в

⁵ Позиция неучастия, ведущая к социальному аутизму, как и положение «над схваткой», поддерживающее в историке сознание высокой профессиональной миссии («избранности»), – это реакция на прошлое, ответ советскому, где назначение истории было сугубо утилитарным: служить. Сегодняшний историк,

очередной раз продемонстрировал Год истории: власть подтвердила намерение контролировать пространство прошлого, что было встречено историческим сообществом в основном с пониманием.

В конечном счете история – открытое пространство, в котором мы «выбираем» себе прошлое (точнее, позицию, с которой мы на него смотрим, отношение к нему). Выбор всегда связан с определением общественных перспектив. В этом смысле история (ее изучение, «сочинение», обсуждение, продвижение) – не мемориально-музейная, а живая, актуальная, конфликтная деятельность, гораздо более детерминированная социально, чем хотелось бы историку. Во всяком случае, в России и уж точно сейчас, когда страна, кажется, готова окончательно определиться – чем ей быть. Хотя... все у нас так непредсказуемо, спонтанно, предположительно и неточно – возможно, и обойдется? И ждет нас не черносо-тенно-погромный хаос, но порядок: и не полицейский, а цивилизованный...

И.И. Глебова

укрываясь от общества и власти в нише «малых» профессиональных дел, решает вчерашние задачи, оставаясь совершенно нечувствительным к новым вызовам. Им игнорируется потребность в рационализации и гуманизации исторической памяти, которая в той или иной степени ощущается в любом современном обществе, в том числе и в нашем, ищущем свой путь в современность.

Россия в зеркале русской поэзии

О. Александр Шмеман в своих дневниках (1979) пишет о «сотереологической функции» русской поэзии. Его современный комментатор (Ю.С. Пивоваров), развивая эту мысль, утверждает, что именно поэзия спасла русских от окончательной победы коммунизма. Напомним, в программном введении к первому выпуску «Трудов...» (2009) утверждалось: одна из задач россиеведения – преодоление коммунизма-советизма (эта эссенция, к сожалению, не ушла из нашей жизни – лишь модифицировалась). Следовательно, поэзия и есть высший тип россиеведения...

В этом – смысл публикации в нашем издании подборок стихов. Все собранное в поэтической рубрике этого выпуска (прозаический фрагмент И.А. Бунина – тоже русская поэзия)⁶ – не просто о великих проблемах человеческого бытия. Эти стихи «падают» в самую суть ключевого для России XX столетия. Они – о его взлетах, трагедиях, безвременьи и безысходности. В них – его ритм: то неуловимое для

⁶ Печатается по изд.: Ахмадулина Б. Стихи. – М.: Худ. лит-ра, 1975; Бунин И.А. Избранное: Стихотворения. Переводы. – М.: Моск. рабочий, 1977; Он же. Собр. соч.: В 6 т. – Т. 4.: Произведения, 1914–1931. – М.: Худ. лит-ра, 1988; Галич А. Я верил в чудо: Песни и стихи. – М., 1991; Окуджава Б. Стихотворения. – СПб., 2001; Соколов В. Четверть века: Избранные стихи, 1948–1973. – М.: Изд-во «Сов. Россия», 1975; Чухонцев О. Ветром и пеплом: Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1989.

человека другой эпохи, что и определяет образ времени; то, что недоступно для науки, но может быть передано художественными средствами.

Только в этом контексте и можно писать историю прошлого столетия, дореволюционного и советского мира. Вне контекста исторические изыскания бессмысленны, не имеют социального значения.

СНИМОК

Улыбкой юности и славы
чуть припугнув, но не отторгнув,
от лени или для забавы
так села, как велел фотограф.
Лишь в благоденствии и лете,
при вечном детстве небосвода,
клянется ей в Оспедалетти
апрель двенадцатого года.

Сложила на коленях руки,
глядит из кружевного нимба.
И тень ее грядущей муки
защелкнута ловушкой снимка.

С тем – через «ять» – сырым
и нежным
апрелем слившись воедино,
как в янтаре окаменевшем,
она пребудет невредима.

И запоздалый соглядатай,
застанет на исходе века
тот профиль нежно-угловатый,
вовек сохраннный в сгустке света.

Какой покой в нарядной даме,
в чьем четком облике и лике
прочитать известие о даре
так просто, как название книги.

Кто эту горестную мету,
оттиснутую без помарок,
и этот лоб, и челку эту
себе выпрашивал в подарок?

Что ей самой в ее портрете?
Пожмет плечами: как угодно!
и выведет: «Оспедалетти.
Апрель двенадцатого года».
Как на земле свежо и рано!
Грядущий день, дай ей отсрочку!
Пускай она допишет: «Анна
Ахматова» – и капнет точку.

Б. Ахмадулина

1973

Канун

В городе, по пути на вокзал. Извозчик мчит во весь дух, с горы и на мост, через речку. Под мостом, на береговой отмели, отвернувшись от проезжих под навес моста и как бы для защиты подняв плечи, стоит босяк, спешно, как собака, пожирает из грязной тряпки что-то вроде начинки. А позади грохочут, летят, точно нагоняют ломовые телеги, трясутся, вися с грядок, страшные сапоги мужиков. Все в муке, – мукомолы, – все великаны, и все рыжие, без шапок, в красных рубахах распояской...

А потом вагон, второй класс. И какой-то сидящий против меня господин лет за сорок, широкий и стриженный бобриком, в золотых очках на плоском носу с наглыми ноздрями, все встает и, не глядя на меня, – от пренебрежении ко мне, – все поправляет на сетке свои хорошие, в крепких чехлах чемоданы и чемоданчики. Аккуратный и уверенный в себе господин, спокойный за свое благополучие и строгое достоинство...

Шла, однако, уж осень шестнадцатого года.

И. Бунин

1930

Канун

Хозяин умер, дом забит,
Цветет на стеклах купорос,
Сарай крапивою зарос,
Варок, давно пустой, раскрыт,
И по хлевам чадит навоз...
Жара, страда... Куда летит
Через усадьбу шальный пес?

На голом остове варка
Ночуют старые сычи,
Днем в тополях орут грачи,
Но тишина так глубока,
Как будто в мире нет людей...
Мелеет теплая река,
В степи желтеет море ржей...
А он летит – хрипят бока,
И пена льется с языка.

Летит стрелою через двор,
И через сад, и дальше, в степь,
Кровав и мутен ярый взор,
Оскален клык, на шее цепь...
Помилуй Бог, спаси, Христос,
Сорвался пес, взбесился пес!
Вот рожь горит, зерно течет,

Да кто же будет жать, вязать?
Вот дым валит, набат гудет,
Да кто ж решится заливать?
Вот встанет бесноватых рать
И, как Мамай, всю Русь пройдет...
Но пусто в мире – кто спасет?
Но Бога нет – кому карать?

И. Бунин

23. VII. 16

Памяти доктора Живаго

Ольге Ивинской

*Два вола, впряженные в арбу,
подымались на крутой холм.
Несколько грузин сопровождали арбу.
«Что везете?» – спросил я. – «Грибоеда».*

*А.С. Пушкин
«Путешествие в Арзрум»*

Опять над Москвою пожары,
И грязная наледь в крови.
И это уже не татары,
Похуже Мамаю – свои.

В предчувствии гибели низкой
Октябрь разыгрался с утра.
Цепочкой по Малой Никитской
Прорваться хотят юнкера.

Не надо! Оставьте! Отставить!
Мы загодя знаем итог!
А снегу придется растаять
И с кровью уплыть в водосток.

Но катится снова и снова
«Ура!» сквозь глухую пальбу,
И челка московского сноба
Под выстрелы пляшет на лбу.

Из окон, ворот, подворотен
Глядит, притаясь, дребедень.
А суть мы потом наворотим!
И тень наведем на плетень!

И станет далекое – близким,
И кровь притворится водой,
Когда по Ямским и Грузинским
Покой обернется бедой,

И станет преступное дерзким,
И будет обидно, хоть плачь,
Когда протрусит Камергерским
В испарине страха лихач.

Свернет на Тверскую, к Страстному,
Трясаясь, матерясь и дрожа.
И это положат в основу
Рассказа о днях мятежа.

А ты, до беспамятства рада –
У Иверской купишь цветы,
Сидельцев Охотного ряда
Поздравишь с победою ты.

Ты скажешь: «Пахну́ло озоном –
Трудящимся дали права!»
И город малиновым звоном
Ответит на эти слова.

О, Боже мой! Боже мой! Боже!
Кто выдумал эту игру?!
И снова погода, похоже,
Испортиться хочет к утру.

Предвестьем Всевышнего гнева
Посыплется с неба крупа.
У церкви Бориса и Глеба
Сойдется в молчанье толпа.

И тут ты заплачешь. И даже
Пригнешься от боли тупой.
А кто-то, нахальный и ражий,
Взмахнет картузбм над толпой.

Нахальный, воинственный, ражий –
Пойдет баламутить народ...
Повозки с кровавой поклажей
Скрипят у Никитских ворот.

Так вот она – ваша победа,
Заря долгожданного дня!..
Кого там везут? Грибоеда.

Кого отпевают? Меня!

А. Галич

<ноябрь 1971>

Памяти Афанасия Фета

Здесь человек сгорел...

Ничего от той жизни,
Что бессмертной была,
Не осталось в отчизне,
Всё сгорело дотла.

Роковые изъятья,
Неназначенный бал.
Край светлейшего платья
Разве я целовал?

Как в иную присягу
На погибель и рай
Небывалого стяга
Независимый край...

Ничего от той жизни,
Что бессмертной была,
Не осталось в отчизне.
Всё сгорело дотла.

Всё в снегу, точно в пепле,
Толпы зимних пальто.
Как исчезли мы в пекле,

И не видел никто.

Я грущу о зажиме
Чрезвычайной тоски,
Как при старом режиме
Вашей белой руки.

Вспомнить – сажей несметной
Так и заститесь высь.

– Да была ли бессмертной
Ваша личная жизнь?
Есть ли Вечная запись
В Книге Актов благих?
– Только стих.
Доказательств
Больше нет никаких.

В. Соколов

Голос за снимком

Когда у роковой черты
я обживал углы подвалов,
и зону вечной мерзлоты,
и малярийный зной каналов,

когда, угрюмый нежилец,
я только верою и выжил
и в мир вернулся наконец –
я словом погребенных вышел.

Я – прах, и если говорю,
то говорю по праву мертвых,
на мясо списанных зверью,
в цементный порошок истертых.

Я – пыль заводов и полей,
просеянная сквозь решета
статей, этапов, лагерей,
бараков и могил без счета.

Я – персть земли, и если персть
глаза неплакавшие колет,
не говорите: это месть,
скажите: мертвые глаголют!

И не стращайте! Что конвой,
кому сама земля охрана!
Я – вдох один, но выдох мой –
От Соловков до Магадана.

О. Чухонцев

«Собрался к маме – умерла...»

Собрался к маме – умерла,
к отцу хотел – а он расстрелян,
и тенью черного орла
горийского весь мир застелен.

И, измаравшись в той тени,
нажравшись выкриков победных,
вот что хочу спросить у бедных,
пока еще бедны они:

собрался к маме – умерла,
к отцу подался – застрелили...
Так что ж спросить-то позабыли,
верша великие дела:
отец и мать нужны мне были?
...В чем философия была?

Б. Окуджава
1983

Фестиваль песни в Сопоте в августе 1969 г

Над черной пажитью разрухи,
Над миром, проклятым людьми,
Поют девчонки о разлуке,
Поют мальчишки о любви.

Они глядят на нас в тревоге
И не умеют скрыть испуг.
Но наши страхи, наши боги –
Для них смешной и жалкий звук.
И наши прошлые святыни
Для них – пустые имена.
И правда – та что посредине, –
И им, и нам еще темна.

И слышит Прага, слышит Сопот
Истошный шепот: «Тру-ля-ля!»
Но пробивается сквозь шепот
Кирзовый топот патруля:
Ать-два! Ать-два! Ать-два!

Нас отпустили на поруки –
На год, на час, на пять минут...
Поют девчонки о разлуке,

Мальчишки о любви поют.

Они лады перебирают,
Как будто лезут на рожон.
Они слова перевирают:
То в ре-мажор, то в соль-мажор...

А я крестом раскинув руки,
Как оступившийся минер, –
Все о беде да о разрухе,
Все в ре-минор да в ре-минор...

А. Галич

Голгофа

Понеслись кувыркoм, кувыркoм
Опечатки последнего тома.
Сколько лет я с тобою знаком?
Сколько дней ты со мною знакома?

Сколько медленных дней и минут –
Упустили мы время, разини!
Променяют – потом помянут:
Так не зря повелось на России!

Только чѐм ты помянешь меня?
Бросишь в ящика пыльную прорубь?
Вдруг опять, среди белого дня,
Семиструнный заплещется голуьбь,

Заворкуют неладно лады
Под нытье обесславленной квинты...
Если мы и не ждали беды,
То теперь мы воистину квиты!

Худо нам на восьмом этаже
Нашей блочно-панельной Голгофы!
Это есть. Это было уже.
Это спето – и сложено в строфы.

Это хворост для наших костров...
Снова лезут докучные гости.
И кривой кладовщик Иванов
Отпустил на распятие гвозди...

А. Галич

<8 августа 1973>

«Жизнь как будто ничего...»

Ф. Искандеру

Жизнь как будто ничего
возле дома своего.
Но едва свернешь в сторонку –
сразу все – на одного.

Так и хочется спросить:
чем я вам мешаю жить?
Почему, едва я выйду,
нужно вам меня убить?

Отвечают: потому,
неизвестно почему,
но у нас от сотворенья
нет пощады никому.

Б. Окуджава

Декабрь 1979, Малеевка

«Это я...»

Это я – в два часа пополудни
повитухой добытый трофей.
Надо мною играют на лютне.
Мне щекотно от палочек фей.
Лишь расплыв золотистого цвета
понимает душа – это я
в знойный день довоенного лета
озираю красу бытия.
«Буря мглою...» и баюшки-баю,
я повадилась жить, но, увы, –
это я от войны погибаю
под угрюмым присмотром Уфы.
Как белеют зима и больница!
Замечаю, что не умерла.
В облаках неразборчивы лица
тех, кто умерли вместо меня.
С непригожим голубеньким ликом,
еле выпростав тело из мук,
это я в предвкушенье великом
слышу нечто, что меньше, чем звук.
Лишь потом оценю я привычку
слушать вечную, точно прибой,
безымянных вещей перекличку
с именуемой вещи душой.
Это я – мой наряд фиолетов,

я надменна, юна и толста,
но к предсмертной улыбке поэтов
я уже приучила уста.
Словно дрожь между сердцем и сердцем,
есть меж словом и словом игра.
Дело лишь за бесхитростным средством
обвести ее вязью пера.
– Быть словам женихом и невестой! –
это я говорю и смеюсь.
Как священник в глуши деревенской,
я венчаю их тайный союз.
Вот зачем мимолетные феи
осыпали свой шепот и смех.
Лбом и певческим выгибом шеи,
о, как я не похожа на всех.
Я люблю эту мету несходства,
и, за дальней добычей спеша,
юной гончей мой почерк несется,
вот настиг – и озябла душа.
Это я проклиная и плачу.
Пусть бумага пребудет бела.
Мне с небес диктовали задачу –
я ее разрешить не смогла.
Я измучила упряжью шею.
Как другие плетут письма –
я не знаю, нет сил, не умею,
не могу, отпустите меня.
Это я – человек-невеличка,
всем, кто есть, прихожусь близнецом,

сплю, покуда идет электричка,
пав на сумку невзрачным лицом.
Мне не выпало лишней удачи,
слава Богу, не выпало мне
быть заслуженной или богаче
всех соседей моих по земле.
Плоть от плоти сограждан усталых,
хорошо, что в их длинном строю
в магазинах, в кино, на вокзалах
я последнею в кассу стою –
позади паренька удаłego
и старухи в пуховом платке,
слившись с ними, как слово и слово
на моем и на их языке.

Б. Ахмадулина

1973

За строкой исторической хроники

648 г. до н.э. Затмение солнца.

Расцвет поэзии Архилоха.

Бикерман.

Хронология Древнего мира

Опять эта зоркая злость
и этот простор подневольный,
упершийся в горло, как кость,
с поры предвоенной и школьной,
и прежде того – с вековой,
еще до рожденья рожденной,
запавшей двойной синевой
у глаз, как нуждою огромной.

Князь Игорь вступил в стремяна,
но мгла ему путь преградила,
и черного дня глубина
предвестья дурные явила,
и срам он найдет, и полон,
но песней, как долгая рана,
на вечий взойдет небосклон
безвестный Соперник Бояна.

Спаситель судим и распят,
и темные низкие тучи

над Иерусалимом висят,
но гром загрохочет могучий,
и примет Он смерть, и опять
воспрянет как Дух, чтоб по праву
судить, и карать, и прощать,
и множить посмертную славу.

А там, за раскатом валов,
чей натиск ликующ и горек,
обломки каких катастроф
и взлетов увидит историк? –
где знать! – но из пропасти лет
всплывет за строкою Эпоха:
– Затмение солнца. Расцвет
поэзии Архилоха.

Какая тяжелая цепь!

Галера скрипит в сорок весел,
скрежещет, как утлая крепь,
судьба – и на гребень выносит,
чем круче волна – тем верней,
чем хлеще удар – тем чудесней,
и песня все кружит над ней,
как чайка над черною бездной.

Не наша с тобою вина,
тем паче не наша заслуга,
что нас обошли и война,
и плен, и большая разлука,
что этот простор не на нас

глядел, совмещая две точки,
что свет среди дня не погас
от бланка и вписанной строчки.

Но тот, кому Слово дано,
себя совмещает со всеми,
поскольку Оно зажжено
для всех, как и там, в Вифлееме.
И если ты встал до зари,
в пустой не печалься печали,
но, радуясь, благодари:
какие мы звезды застали!

Глаза и слепому даны,
но я не о тех, что глядели.
Какие мы видели сны!
Какие мы лжи претерпели!
И, может быть, некий поэт
отметит среди помраченья:
– Затмение разума. Свет
страдальчества и искупленья.

О. Чухонцев

Современная Россия

«... Апрель двенадцатого года»

Ю.С. ПИВОВАРОВ

В предыдущем выпуске «Трудов по россиеведению» (2011) я высказал предположение: режим, господствующий в нашей стране, кажется, пережил себя, и, вполне возможно, мы находимся в самом начале перемен. Конечно, я надеялся на изменения в сторону большей свободы, открытости, демократичности, плюральности и т.п. Действительно, трансформации налицо. Только содержательно прямо противоположные. Стало еще больше авторитарности, полицейщины, антивестернизма, советскости и пр. Подзатих либеральный протест, не структурировалась оппозиция (я не о «внутрисистемной»), не появились новые яркие имена, которые могли бы повести за собой... В рамках путинского режима, вне всякого сомнения, усилились позиции политиков и идеологов национально-социалистического типа, активизировался процесс «перебора людишек». Последнее – старинное и испытанное занятие русских правителей по «отрыванию голов» зажавшихся и заматеревших ближних людей, прислужников, вообще всякого рода «мечтателей»,

возомнивших себя субъектами социального порядка.

Нынешняя борьба с коррупцией, безусловно, принадлежит к тем же властно-насильственным технологиям, что и битвы Сталина – с различными уклонами и бесчисленными вредителями, врагами народа, космополитами, Петра – с московскими боярами, старообрядцами, казаками, Ивана Грозного – с «биомассой» Рюриковичей, с изменщиками и др. Это и вправду технологии – по укреплению режимов личной власти и полной подотчетности подданных, в нашем случае – граждан. Никакого другого смысла сегодня борьба с коррупцией не имеет. Как сброс лишнего веса и диета лишь укрепляют организм, так и удар по «жирным котам» придает системе большую витальность.

Однако если мы ограничимся только констатацией **этого**, далеко в понимании ситуации не уйдем. Главное все-таки не это. – Так что же? **Такая** эволюция режима вводит его в еще большее противоречие с основными тенденциями мирового развития и потребностями русского социума. То есть режим идет в одну сторону, а мир (разумный и приемлемый, а не те его «представители», которые периодически изумляют, скажем мягко, своей экстравагантностью) – в иную. Углубляется и раскол между Россией чаемой, возможной, уже вчерне существующей, нормальной и органической, Россией, за которую не стыдно, и... Не хочется даже говорить **чем и кем**.

О том, что делать и как все это разуместь предлагаемый текст.

О некоторых важных датах – юбилеях 2012 г

2012 год изобилует памятными историческими датами.

850 лет назад Александр Ярославович по прозвищу Невский получает от татар ярлык на Великое княжение Владимирское, становится главным администратором-распорядителем на завоеванных Ордой русских землях. До конца своих дней сохранит неукоснительную и горячую верность работодателям. Он был, конечно, герой, патриот и искусный дипломат. Поэтому, как мы знаем, соотечественники и полагают его «лицом» России. Все это так. Но мы должны также помнить, что именно с этого древнерусского витязя устанавливается и поныне существующая традиция авторитарно-насиленной власти азиатско-кочевнического пошиба.

Недаром об Александре Невском вспоминают и любят в моменты очередного подъема русской автократии. Он был канонизирован (и, кстати, получил весьма высокий чин в небесной иерархии – святой благоверный; это, так сказать, принадлежность к высшему комсоставу) в 1547 г. – тоже ведь дата – 555 лет назад – митрополитом Макарием, который, как известно, провел национализацию корпуса святых, резко увеличив представительство «русичей». Тем самым Макарий торил историческую дорогу своему ученику – великому князю Ивану Васильевичу. И Грозный-царь не подвел его, а также продолжил дело своего пращура.

Ну, а уж о любви к Александру Невскому Петром Великим и Иосифом Сталиным известно всем. Причем, скажем в скобках, из сталинской эпохи сохранились два кинематографических мифа – о штурме Зимнего («Октябрь» Эйзенштейна) и об Александре Невском (одноименный фильм). Действительно, Александр Ярославович – одно из лиц России: мужественное, красивое, волевое и повернутое на Восток, чтобы лучше слышать, чего хотят от него начальнички. Надо сказать, что хотели они всего-то пустяк – держать в повиновении и грабить этот «жалкий народец»⁷.

Исполняется 400 лет великому подвигу русских людей – взятию Кремля ополчением князя Дмитрия Пожарского. Москва была очищена от польских интервентов. Наша родина вновь начала обретать, как выражаются ныне, властную и международную субъектность: через несколько месяцев учредятся новые династия, государство, порядок. Не случайно 4 ноября – а это день штурма Кремля – стал сегодня национальным праздником демократической России. Но и здесь, как в случае с Александром Невским, история, если в нее внимательно взглядеться, подсовывает нам и другую картинку.

Оказывается, поляков в Москву заманили сами русские. Причем сделали это совершенно легитимным способом: избрали польского королевича Владислава русским царем. То

⁷ Понятно: мы «модернизируем» образ кн. Александра. Но ведь речь идет именно об «образе»; кого интересуется сам Александр Ярославович...

есть эти самые ляхи-интервенты и были русской армией (армией русского царя). И даже не армией, а гвардией, поскольку дислоцировались в Кремле. Выходит, что князь Пожарский сотоварищи выступили против законной власти и ее институтов (армия – это институт власти). Здесь хотелось бы напомнить, что за семь лет до этого поляки уже были в Кремле в качестве западной армии законного русского царя Дмитрия, которого с восторгом приняла и возвела на царство Москва. Это ведь потом он стал Лже-Дмитрием, когда не угодил боярско-церковной верхушке. А также напомним: не только представителей древней римско-католической веры призывали в те годы наши предки «володеть ими», но и посланцев молодого протестантского мира – шведов.

Мы совершенно не собираемся девальвировать великую победу второго ополчения и начало прекращения Смуты, а хотим просто сказать о многомерности исторических событий, о полифоничности исторических фигур.

Правда, полного освобождения Руси от иноверческой западной силы не произошло. Напротив, европейское влияние в XVII в. растет год от года. И это один из важнейших результатов Смуты, который, как нам кажется, не вполне учитывается современной наукой и исторической памятью. Ведь в страшные годы Смуты русичи впервые были вынуждены жить бок о бок с людьми западной культуры (религиозной, бытовой). То есть наши предки увидели, что можно существовать иначе. Тогда же наши начальники получили первые

уроки **политической** деятельности. Ведь их прежние учителя – монгольские ханы – политикой не занимались. Основу их управленческого искусства точно выразил один русский поэт второй половины XX в.: «рэзать». У поляков и шведов арсенал был побогаче.

И уже первое романовское царствование – очевидный крен в сторону тогда еще не гниющего Запада. Патриарх Филарет, находясь в плену в Польше, многому научился в профессии политики. А он, как мы помним, вернувшись на родину, стал соправителем. И при его сыне русская армия начинает переодеваться в европейское платье, осваивать европейское вооружение и привыкать к офицерам-выходцам из Европы. Добавим: именно в эпоху Михаила Московия создает второе по численности в Европе сухопутное войско (самое большое было у Франции). Делается правильный вывод из смутных лет: чтобы существовать на политической карте мира, надо иметь крепкую боеспособную армию. Так что не внуку Петру, а деду Михаилу обязаны мы началом строительства современной по тем меркам армии. При Михаиле же Россия впервые принимает участие в общеевропейской (Тридцатилетней) войне. Причем действует грамотно: выступает на стороне противников своего главного тогдашнего противника – Польши.

Вообще все это правление отмечено разумными умеренными действиями власти. Так, к примеру, Михаил умел прислушиваться к Земскому собору. И даже тогда, когда ему

очень хотелось, но земцы говорили «нет», он находил в себе мужество уступать. В общем, пошло–поехало. Второго Романова уже учили по «немецким» книжкам, географическим картам, он вырос среди немецких игрушек. При нем запретили являться ко двору в польском платье. Это значит, что в таком «прикиде» щеголяла уже значительная часть русской верхушки. Вообще-то отечественная аристократия (не вся, конечно) говорила и читала по-польски и латыни и выписывала учителей своим детям из польских земель.

Да и Соборное Уложение 1649 г., сыгравшее конститутивную роль в формировании властно-социальных порядков более чем на столетие вперед, было подготовлено по европейским юридическим лекалам. (Содержание-то, конечно, было нашенским, но формы – ихние. А связь между содержанием и формой сложнее, чем нам представляется; еще Аристотель учил: форма есть актуализированное содержание.) Ну, а уж в 80-е годы XVII столетия, при Федоре и Софье, западные веяния были ощутимы всеми. К этому добавлялось и воздействие Немецкой слободы, где, кстати, в те годы получал первые опыты западной социализации будущий Медный всадник.

Но к чему мы это? Да к тому, что в этом году исполняется триста лет, как русская столица переехала из Москвы в Санкт-Петербург. Или нет, скажем точнее: триста лет назад перестали существовать Московское царство и Москва как столичный город; возникли будто из небытия, из болот,

из угрюмых и неуютных волн Балтии Российская империя и град Петров. Получается, то, что не удалось Европе в 1612 г., случилось в 1712-м. А также чего не смогли сделать русичи в 1612 г., сумели добиться россияне в 1712-м: империя по европейским образцам, культура по европейским образцам, город по европейским образцам.

1712 год – это тот угол зрения, который необходим для понимания 1612 г. И вот под этим углом зрения мы говорим: победила тенденция, которая, казалось бы, потерпела поражение от ополченцев князя Пожарского. Так в истории бывает. А для русской – чуть ли не правило. Нам сегодня это надо иметь в виду. Хотя мы сами не солидаризируемся ни с тенденцией Рюриковича Пожарского, ни с тенденцией Петра Великого.

А через пятьдесят лет после триумфа воли Петра происходит событие, которое, будь он еще жив, крайне бы его расстроило. Внучок Петр III, случайный и беспутный, безродный космополит на русском троне, совершил, как выяснится впоследствии, самоубийственное для нашей любимой деспотии действие. Он разрушил гармонию тотального рабства, с таким трудом оформленную при прадедушке и с таким гениальным умением усовершенствованную дедушкой. Из абсолютно закрытой самодержавно-крепостнической бутылки он выпустил джинна. Сей джинн назывался российское дворянство.

Ровно сто лет назад журналист (так он сам себя опре-

деял) В. Ленин написал статью, посвященную 100-летию (сплошные даты, поэтому извиняемся за неизбежную тавтологию) А.И. Герцена. В которой есть слова, известные каждому советскому человеку, даже если он ничего не слышал ни о Ленине, ни о Герцене: декабристы разбудили Герцена. Журналист говорил правду. А вот кто же разбудил самих декабристов? – Петр III. Это он пустил в Россию заразу свободы. А это страшная вещь. Противоядия против нее человечество пока еще не придумало. Даже самые радикальные хирурги русско-немецко-китайского разлива не сумели ее побороть. Манифест о вольности дворянской породил у нас первую социальную группу свободных людей... Требую памятника Петру III на всех площадях больших и малых городов Российской Федерации! Требую причисления его к лику главных положительных деятелей нашей истории!

Правда, следствием освобождения дворян стало восстание Емельяна Пугачева, у которого в этом году нет никакой круглой даты (так, 240 лет). Но это, говоря наивно-метафорически, то, что «всегда с тобой». Только не праздник по Хемингуэю, а нечто, что может потенциально в любую минуту погубить Отечество. Деяние Петра III создало в стране ситуацию, при которой друг против друга встали люди одной веры и одной этничности. Но это были рабы и рабовладельцы. Самый мучительный и драматический раскол, которой только можно себе представить.

Около тридцати лет назад я догадался (а до меня, гораздо

раньше – Иван Киреевский, Александр Герцен, Карл Маркс, Василий Ключевский и др.), что главным результатом насилия, совершенного Петром I над Россией, был распад целостной культуры на две враждебные друг другу субкультуры – традиционалистскую и европеизированную. Моя догадка была правильной, но, как бы это поточнее сказать, неполной. В условиях тотального рабства противостояние этих субкультур «смягчалось» общерабской зависимостью от передевшегося в европейское платье Моносубъекта. Петр III противопоставил друг другу свободных и рабов. Чем внес в отношения двух субкультур абсолютный (а не относительный, как у деда) антагонизм. Пугачевщина – это всегда готовое к бою оружие униженных и оскорбленных. Это вечный двигатель, порождающий ненависть к образованным русским европейцам. Ненависть может принимать различные формы: от недоверия, непонимания, неинтереса до вселенского погрома. Вследствие всего этого и первые русские свободные – от тех, кто разбудил декабристов, до тех, кто в 1917 г. сверг монархию, – стали «кающимися дворянами».

Великий русский мыслитель А.С. Хомяков сказал: христианин может быть рабом, но не рабовладельцем. Вообще-то христианское вероучение не предполагает такого хода мыслей и чувства. Проповедано же: оставайся в том звании, в котором находишься. То есть допускается существование и рабов, и рабовладельцев; так сказать, христианство не об этом. Но основатель славянофильства, богослов, поэт,

ученый, общественный деятель, помещик, офицер, изобретатель, охотник, врач Хомяков гениально выразил самочувствие русского свободного. Эта его нетрадиционно христианская (а с моей-то точки зрения, самая что ни на есть христианская) мысль – стыд, боль, жалость, душевная мука людей, очень глубоко чувствующих, что их свобода основана на глубокой нравственной неправде.

За всем этим стоит болезненно гениальный поиск новой «христианской» формулы русской культуры. Это Ф.М. Достоевский с его князем Мышкиным, с его «открыть миру образ русского Христа». Это тот же Хомяков с учением о соборности, где по сути заявлен отказ каноническому евангельскому положению, согласно которому спасутся не все. Убежден: моральный порыв Хомякова и Достоевского (и многих других) коренится в этом самочувствии неправды. Попутно замечу, этот порыв, – может быть, самое драгоценное, что русская душа сумела выработать в ходе своего развития.

Произведение, вышедшее из-под пера свободного барина И.С. Тургенева ровно через сто лет после раскрепощения его предков, пронизано чувством покаяния. «Отцы и дети» в элегантной европейской форме выражает все те темы, о которых мы только что говорили. Это, если можно так сказать, классическое (в смысле стиля классицизм: в классических формах, без надрыва) изображение (отражение, выражение) темы кающегося русского дворянина. Тургенев, без-

условно, заслонен более мощными фигурами Достоевского и Л.Н. Толстого, но, как и Ивану Гончарову, именно ему удалось «схватить» модальные типы личности, которые не допускают деления мира на рабов и рабовладельцев. Именно в этом смысл великого романа «Отцы и дети», а не в манифестации «нового типа» человека, т.е. карикатурного, самодовольного и вздорного Базарова.

Напомню: в те годы, когда Тургенев создавал «Отцы и дети», в России шла великая реформа по эмансипации крестьян. Рабовладельцы все же решились. И в контексте великого освобождения роман Тургенева приобретает еще одно значение. Он пропитан воздухом этого свершения. Перефразирую: «Ныне отпускающи». А спустя век Россия услышит очередной в своей истории выстрел. Помните, Герцен о первом «Философическом письме» П.Я. Чаадаева: словно выстрел в ночи? Или мифический выстрел «Авроры» – холостыми-то холостыми, а русскую жизнь расстреляли и заменили на советскую. Но через сорок пять лет после «Авроры» в русскую историю вернулся нормальный русский мужик – Иван Денисович. 1962 год был, наверное, апогеем хрущевской оттепели. Много было сделано и еще более крупное замысливалось. Обычно обращается внимание на политические и экономические реформы этого периода. А мы сделаем акцент на раскрепощении тогда еще основной массы русского населения – крестьянства.

Н.С. Хрущев, говорят, совершил много глупостей в сель-

ском хозяйстве. Наверное, это так. Но есть то, что на весах истории перевесит это и другие его провалы. Он выпустил русского мужика из ГУЛАГа – как лагерного, так и колхозно-совхозного. За тридцать лет до того (1932) большевики ввели паспортную систему. Но ни великорусские, ни какие иные пахари паспортов не получили. И это означало восстановление крепостного права в нашей стране. К 1962 г. крестьяне еще не обрели паспортов, т.е. еще не сравнялись в гражданском состоянии с другими социальными группами. Паспорта им выдали уже при Леониде Ильиче, в 1974 г. И структурно второе освобождение русского крестьянства воспроизвело первое. Александр II освободил крестьян от крепостного права, оставив их в рамках общины. Хрущев сделал по сути то же самое: освободил и оставил в колхозах. Паспорта крестьяне получили в ходе уже сталинской реформы, а колхозникам – на излете брежневско-косыгинского подъема.

И как «Отцы и дети» есть в известном смысле памятник кающимся дворянам, так и «Один день Ивана Денисовича» – памятник измученному русскому крестьянству середины XX в. Но здесь же кроется неизмеримое различие между двумя произведениями. Тургенев говорил голосом русского европеизированного барина в стране, которая хоть и не была совершенной, но и не находилась в ситуации полного краха. Об А.И. Солженицыне же можно сказать ахматовским языком: «...из-под каких развалин говорю». Но его голос был

с самого начала столь мощным, что его не выдержали бетонные стены коммунистических барачков. Событие пятидесятилетней давности – «Иван Денисович» – означало, что у России вновь появился **заступник**. «И неподкупный голос мой был эхом русского народа».

...И, конечно, двести лет первой Отечественной войне. Она случилась через пятьдесят лет после освобождения дворян, а пятьдесят лет спустя освободят крестьян. Она – посредине. Отечественная – это единственный момент, когда послепетровская Россия опять обрела целостность. Именно поэтому она и стала основополагающим событием русского XIX века. Спектр ее воздействия был столь многообразен и глубок, что породил великую русскую культуру, великие русские реформы, великую русскую мировую державу. Иными словами, 1812 год дал России будущее, вернул прошлое, позволил гордиться настоящим. Без всего этого невозможно нормальное бытование народа в истории. Но об Отечественной войне и без нас сказано так много, что мы, пожалуй, ограничимся этим.

Правда, вспомним еще, что в 1812 г. родился А.И. Герцен. К этому человеку сегодняшнее российское общество в целом безразлично. Оно почти забыло его. Жаль. Александр Иванович – одна из ключевых фигур нашей истории. Это первый русский, который с блеском вошел и занял одно из исключительных мест в европейской интеллектуальной элите своего времени. К его голосу прислушивался весь цивилизованный

мир. Конечно, казацкие бивуаки в Париже были весьма убедительны, но речи Герцена в парижских и лондонских салонах еще более. Он создал важнейший институт русской социокультурной системы – эмиграцию.

Дефицит свободы в подавляющем историческом времени приводил Россию к ситуации, остроумно описанной Николаем Бухариным. Возражая своим собеседникам, утверждавшим, что во всем мире двух- или многопартийная система, а в СССР – однопартийная, он сказал: у нас тоже две партии, только одна сидит в Кремле, а другая – в тюрьме. Герцен открыл иную возможность: вторая партия сидит в эмиграции. И действует. И еще. Герцен – замечательный писатель. Его язык несравненен. Он – тончайший критик не только русского, но и современных ему европейских порядков. И, наконец, – один из главных творцов идеи крестьянского социализма, т.е. народничества. А это был (увы, сталинская коллективизация уничтожила эту возможность) один из магистральных путей русского развития. Напомню, на единственных в XX столетии (до начала 90-х) равных, всеобщих, тайных и прямых выборах безоговорочно победили народники – эсеры. Таковой была воля ббльшей части русского народа.

1912 год был лучшим в русской истории. Причем навсегда. Никогда русским не удастся повторить чудо этого года. Белла Ахмадулина сказала об этом времени: «Как на земле свежо и рано». Но современники не заметили этого, а потомки больше помнят о следующем, 13-м годе, с которым

советские себя сравнивали, или о 14-м, когда все это чудо закончилось. О послевоенном германском подъеме (примерно 1947–1956 гг.) принято говорить «экономическое чудо». Здесь же было чудо общесоциальное, более того – культурное. Мы, сегодняшние, даже профессиональные исследователи, не в состоянии почувствовать эту невероятную историческую возможность.

Однако почему же все-таки ничего не случилось? То есть случилось – самоубийство. Всей Европы, – а это значит, всего мира. Но наш суицид, если можно так сказать, был абсолютным. Как это объяснить? Мы поем гимн николаевской России и одновременно фиксируем: это конец. Действительно, как можно выйти из этого противоречия: взлет, неслыханный и несравнимый, и падение – такое же?

Было два события в этом любимом мною году: Пражская конференция социал-демократов и Ленский расстрел. В 1962 г. пионер Юрик Пивоваров, как называла меня бабушка, читал книгу о Пражской конференции 1912 г. (сейчас не вспомню, как называлась и кто автор). Но это был один из текстов, определивших мою жизнь (смеяться над ребенком не надо). Расскажу то, что помню. Город Прага, горы, какие-то люди и главный среди них – мужчина лет сорока, в котелке, крепко сбитый, очень уверенный в себе. Они идут пить пиво. И вот этот человек в котелке выпивает две кружки, ест сосиски и обсуждает свои дела. – Один из самых больших шоков, который я испытал в своей жизни: Ленин

пил пиво, ел сосиски. Я был поражен: Ленин – бог, центр Вселенной, а здесь – такое. Вот это мое детское понимание никак не совпадает с нынешним сверхвзрослым пониманием того, чем был 1912 год.

А чем он был? Невероятным подъемом, на который другая Россия (потом мы объясним, что это такое) ответила своим. Когда-то Достоевский говорил (а до него, наверное, и многие другие), что настоящий раскол проходит по сердцу человека. А что, пиво и сосиски в Праге – это раскол? Конечно. Там будущие убийцы навсегда разошлись с будущими жертвами. И оказалось, что общая политэкономия или социология – ничто по сравнению со «слезинкой ребенка». Оказалось, что припадочный Достоевский в миллион раз умнее доктора Боннского университета Карла Маркса. То, что произошло в Праге, – это не закрепление раскола между двумя фракциями одной партии. Это развод раз и навсегда между теми, кто готов на преступление, и теми, кто не готов. И хотя историческая Россия ничего этого не заметила, поскольку все эти эрэсдэры тогда были ничем, но вот так бывает: в братском славянском городе решилась судьба страны. И из Праги уехала уже неприемлемая (по моей терминологии) Россия.

Еще одно событие – Ленский расстрел. Тоже с детства знаем: Сибирь, золотые прииски, мерзавцы-буржуи не платят денег, демонстрация рабочих, по ним стреляют. Министр внутренних дел генерал А. Макаров говорит: так было и бу-

дет. Генерал не знал, что через семь лет его расстреляют чекисты. Да и вообще никто не знал, что через семь лет Отечество станет местом расстрелов. Я всегда с недоверием относился к этой истории: мне казалось, коммунисты чего-то врут. Неужели в моей любимой и счастливой России, где были Блок и Ахматова, возможно **такое**? В том-то все и дело, что это было **возможно**.

Два этих события – одно малозаметное, другое в высшей степени шумное – были, быть может, важнее, чем все остальное, что произошло в том лучшем за всю русскую историю году.

А вот 1952 год. Ни на каких юбилейных исторических картах его нет. А ведь это был последний год жизни Сталина. Мое раннее детство. Ощущение одно: самая длинная ночь в году. В России середины века всегда ночь. Разумеется, в современной России – что там было при царе Горохе, мы не знаем. Мрачное семилетие (1848–1855) XIX в. и сталинская семилетка после войны, наверное, самые безвыходные времена за последние два столетия (а вот бездумная, глупая, легкомысленная семилетка Никиты – просто полет легкокрылых бабочек, свежий воздух, радость). Никогда, думаю, Россия не была в такой безвылазной яме, в таком безысходном холоде (о, как я помню эти сокрушающие морозы, которые запорашивали стекла нашей комнаты в коммуналке Напрудного переулка). А бабушка пела мне: тебя Ленин любит, тебя Сталин любит. И показывала мне книжку, одну

из первых в моей жизни: на первой странице была изображена Кремлевская стена и серебристые ели вдоль нее. Это мое представление о рае.

Теперь попробуем сравнить апофеоз ада в моей стране и рай в сознании ребенка. Сегодня идут споры, хорош Сталин или плох. Конечно, хорош. Признаюсь, представление о нем – это лучшее, что было в моей жизни. Теперь ребенок вырос и ответственно заявляет: это был ад. В этом и есть дьявольский «замысел» сталинизма: представить ад раем, леденящий ужас – нормальным состоянием, а страх сделать главным человеческим качеством. Это не понаслышке, это автопортрет. И потому главная задача современного русского – перестать считать ад раем.

1982 год – один из самых трагических в истории России. В этом году закончился золотой век послесоветской истории (начался где-то около 1954 г.). Заметим: почти тридцать лет. Для недолгого (семьдесят лет) советского рейха – чуть меньше половины. Вообще-то говоря, это была одна из лучших эпох не только советизма, но и в целом русизма. Покончили с массовым террором, перешли к скромному потреблению, создали общество более или менее «благополучия». Да что там говорить! Кто не жил в это время, тот не поймет, что и в нашей стране возможна *dolce vita*. Ненадолго, не очень *dolce*, но главное – *vita*. А до этого было (и немножко после этого) – *Vernichtung* (нем.: уничтожение).

В чем же смысл этой эпохи? А в том, что любое челове-

ское существо – и даже мы с вами – после массовых убийств и самоубийств хочет немного передохнуть. Ну, просто все устают. И вот теперь, пытаясь понять логику исторического развития, я пришел к выводу: лучшие эпохи в истории человечества (и возлюбленного Отечества), это когда люди не хотят больше крови, но – пива, сосисок, отдыха. (Вспомните Ильича в Праге. Как жаль, что он не догадался, что лучшее его и наше время – там.)

Вообще-то шутить не хочется. Это была эпоха мирная, неагрессивная, гнусная, спокойная, когда впервые за много десятилетий к человеку перестали приставать, требовать от него чего-то особенного (замочить соседа, предать близкого и т.п.). Вообще настоящий *detante* был не между СССР и США, а внутри советского общества. И его лучшим проявлением стала улыбка народного героя Юрия Гагарина (отчасти и кепка Льва Яшина). Ну какой террор при таких хороших парнях! Как пелось в песенке моего тинэйджерства: «А парень был хороший!». Помню, в ноябре 1963 г. учителя школы, где я учился, рыдали, узнав об убийстве Джона Кеннеди. Помню ужас осени 62-го – Карибский кризис. Вот тогда-то я и понял, какое это замечательное время. В конечном счете победят Гагарины, Яшины и Кеннеди. И никто никого не убьет.

Я был среди тех молодых дураков, кто не понимал великого исторического значения Л.И. Брежнева. Сегодня хочу извиниться. При всей своей отвратительности этот человек

(вслед за Н.С. Хрущевым) дал моему народу почти тридцатилетнюю передышку между двумя, говоря воровским языком, эпохами «сарынь на кичку!»

Совершенным особняком среди всех этих дат стоит 1922 год. Девяносто лет назад последние русские войска ушли за пределы страны. Был сдан Владивосток. На этом закончилась старая Россия. И не случайно, что через полтора месяца после сдачи Владивостока на руинах России учреждается СССР. Первое в мире государство, в названии которого отсутствует субъект – страна и ее границы. На смену определенно русскому приходит неопределенно несусветное.

Тогда же из страны высылаются ее лучшие интеллектуальные силы. Открывается жесточайшая антицерковная кампания. То есть новые хозяева интенсивно избавляются от всего того, что составляло содержание русской жизни.

В 22-м заканчивается эпоха Ленина. Он отходит от управления. Сталин избирается генсеком (в апреле!) и начинается его восхождение к власти. Ильич пишет Завещание, которое по последствиям можно сравнить с петровским Указом о престолонаследии 1722 г. (!) Как документ первого императора вверг на все XVIII столетие Россию в междоусобицу претендентов на трон и тем самым лишил ее государственной стабильности, так и Письмо Ленина к съезду открыло наследническую неразбериху среди коммунистических вождей. Попутно заметим: Сталин уничтожил всех, о ком в своем завещании его предшественник говорил как о потен-

циальных наследниках. Сталин не простил это Завещание ни Ленину, ни его «гвардии». И в этом смысле «кремлевский мечтатель» несет свою долю ответственности за уничтожение тысяч и тысяч старых коммунистов.

В общем Ленин, «опустив» перед своей смертью Сталина, способствовал на самом деле его подъему. Думаю, после ленинского письма Сталин понял: или он, или они. В противостоянии же «или–или» ему не было равных.

И еще одно столкновение Ленина и Сталина в этом, 1922-м, окажет убийственное влияние на русскую и мировую историю. В соперничестве «союзного» и «автономистского» проектов организации новой государственности учитель дожал своего ученика. В 1991 г., когда СССР развалился, думается, если, конечно, существует ад, Сталин должен был отомстить Ленину за содеянное. Это ведь Ильич заложил бомбу с часовым механизмом под здание Отечества трудящихся всего мира. Этот, как сказали бы сегодняшние политологи, «case» является предупреждением нынешним политикам. Нельзя в уставы государств закладывать декларативно-неработающие сегодня и завтра механизмы. Вдруг они запустятся послезавтра.

Этот год был ознаменован и другими славными событиями. Создается Главлит – цензура, которая несколько десятилетий будет душить все живое и свободное в нашей стране. А также пионерская организация, десятилетиями превращавшая живых и свободных детишек в запрограммиро-

ванно-ограниченных оловянных солдатиков (обоего пола). Об этой организации сейчас уже почти забыли, а она ведь была важнейшим институтом коммунистического порядка. Пионерия играла решающую роль в формировании homo soveticus.

Вместе с тем 1922 год – это время отхода от крайних коммунистических утопий. Если в 1917, 1918, 1919 гг. Ленин и его сторонники полагали навсегда уйти от традиционных форм хозяйственной деятельности, то сейчас они успешно возрождают валюту – золотой червонец и проводят новую экономическую политику. Через несколько лет они откажутся от этого, казалось бы, разумного отступления, но никогда больше, несмотря на весь ужас и безумие происшедшего, не вернуться к бредовой идее «экономики без денег».

Имея в виду все это вместе взятое, мы можем с полным правом сказать: 1922-й был годом великого перелома в русской истории и повседневной жизни нашего народа.

... Мы вспомнили, конечно, не все важные даты – юбилеи 2012 года, но эти, на наш взгляд, были важнейшими для современных русских. И не будем пока оставлять историческую проблематику, продолжим разговор о ней, но – в другом ключе, ином контексте и целеполагании.

О неотменимости исторического знания

В апреле 2010 г. на ежегодном собрании Совета по внеш-

ней и оборонной политике (СВОП) либеральный экономист и социолог В.Л. Иноземцев заявил: все попытки объяснения сегодняшней ситуации с помощью истории более нерелевантны; современность можно понять из нее самой; она обладает потенциалами и смыслами, не известными предшествовавшим эпохам. Поэтому наша задача, утверждал В.Л. Иноземцев, понять их и поставить на службу обществу.

Эти слова В.Л. Иноземцева были реакцией на выступления А.Б. Зубова и мое, в которых мы, хоть и с разных позиций, но стремились рассматривать настоящее через призму прошлого, не сводя, разумеется, все к «историческим закономерностям». Так вот попробуем возразить адепту современности В.Л. Иноземцеву.

В последние годы особой популярностью в научном мире пользуется концепция академика Л.В. Милова (ум. в 2007 г.). Было бы, конечно, преувеличением утверждать, что его «Великорусский пахарь...» перепахал несколько поколений исследователей, однако, вне всяких сомнений, способствовал формированию нового исторического знания. Безусловно, мы и ранее читали о географических и природно-климатических факторах социального развития. Историки XIX столетия, В.О. Ключевский, евразийцы, да, кто, собственно, не писал об этом. Но во всем этом было больше идей, наблюдений, историософии. Леонид Васильевич дал нам, так сказать, материю. Точнее: показал бедность русского материального мира. Но какие выводы следуют из его творчества?

Говоря кратко, мы совсем не самая (потенциально) богатая страна в мире, как это почему-то утвердилось в общественном сознании. Напротив, крестьянская Русь (а это значит страна до начала 1930-х годов) в силу своего северо-восточного географического и природно-климатического местоположения была невероятно бедной. Что в конечном счете предопределило ее судьбу – национальный характер («менталитет», следуя моде 90-х, говорит Милов), сверхинтенсивный и жесткий тип государственности, централизованное изъятие и распределение «прибавочного продукта» (так Леонид Васильевич в наивном советско-марксистском стиле называл процесс ограбления русского народа русской властью). И все, включая автора этого текста, были согласны с ним.

Лишь позднее знакомство с работами Э.С. Кульпина открыло мне глаза на следующее. Милов основывается на материалах крестьянской жизни XVIII–XIX вв. И в меньшей мере второй половины XVII в. Мы же (никакой ответственности за это Леонид Васильевич не несет) экстраполируем его выводы на всю более раннюю историю России. А это и ошибка, и заблуждение, и самообман.

Современная саратовская исследовательница О.В. Сухова, находящаяся, кстати, под большим плодотворным воздействием и Милова, и Кульпина, указывает на необходимость «сравнительного анализа двух хозяйственных типов, существовавших в российской истории, последователь-

но сменяя друг друга на протяжении XIV–XV и XVII–XVIII вв.» (4, с. 95). Несколько забегаая вперед, заметим: ничего не сказано о XVI столетии. А это ведь как раз эпоха окончательного становления самодержавия и основ крепостного порядка, появления первых сословий и вступления в Смуту, формирования первых современных институтов управления и соборного представительства. Это и период расцвета местного самоуправления и суда, первый век русской «государственной» независимости и утверждения церкви в том ее виде, в каком она **внутренне** просуществует несколько столетий. Но пока оставим XVI в. И подчеркнем: мы не собираемся свести объяснение русского исторического процесса к смене одного хозяйственного типа другим. Однако проанализировать все это обязаны.

Итак, послушаем О.В. Сухову: «При наличии неиссякаемых до поры до времени ресурсов земельной колонизации, которая, по замечанию В.О. Ключевского, выступала стержневым процессом российской истории, экстенсивное кочевое подсечно-огневое земледелие продолжало сохранять свою девственно-архаичную форму и в XIV–XV вв. Этому, отчасти, способствовало и установление татаро-монгольского ига. И от налоговых тягот, и от княжеских усобиц, и от ханских набегов лес служил одинаково хорошей защитой, что обусловило направление миграционных процессов. В XV в., как известно, подавляющая часть населения Руси проживала в лесных деревнях – одно-двух и трех-четырёх-

дворках. По словам Э.С. Кульпина, до конца XV в. экологическая составляющая, как никогда позже, благоприятствовала русскому крестьянину. Удовлетворительные климатические условия, невероятно высокие урожаи, собираемые на плодороднейших лесных почвах; отсутствие дефицита земельных площадей и возможность неограниченной занятости производительным трудом и пользования благами охоты, собирательства, рыболовства; реальная возможность вознаграждения упорного труда обеспеченным, безбедным существованием, отсутствие сколько-нибудь существенных налогов и, возможно, полное отсутствие повинностей для лесных людей; полная свобода землепользования при отсутствии реальной собственности на землю; и, наконец, независимость подавляющего большинства населения от княжеской власти и давления общины, максимальная раскрепощенность личности – вот факторы формирования национальной ментальности в период, названный Э.С. Кульпиным временем “наибольшего благоденствия для большинства живущих на территории Северо-Восточной Руси...”⁸.

Несмотря на некоторую благостность, пасторальность представлений Э.С. Кульпина (воспринятых отчасти и О.В. Суховой), их следует принять совершенно всерьез. Ведь они значительно меняют наше историческое видение. В том

⁸ Кульпин Э.С. Социально-экологический кризис XV века и становление российской цивилизации // *Общественные науки и современность*. – М., 1995. – № 1. – С. 91.

числе существенно корректируют русское прошлое по Милову. Не всегда бедность, скудность, всяческая недостаточность были имманентны крестьянскому миру.

Согласно Э.С. Кульпину, в XV в. почти 90% населения жило в лесу, остальные 10% вне леса, в городах всего 0,1%. Почти 10% – князья, бояре, княжеско-боярские крестьяне. То есть 9/10 древних русичей были свободны от власти князей, бояр, церкви, монголов. Исследователь подчеркивает: нормативная русская история этого периода – история 1/10 народа. И в ней совершенно не учитывается подлинная и, как уже отмечалось, свободная, сытая, «органичная» жизнь подавляющего большинства. Правда, будучи аналитиком осмотрительным, тут же задается вопросом: «Однако как такие выводы согласуются с общепринятыми представлениями о черных веках татаро-монгольского ига? Или эти представления – выдумки традиционной имперской историографии, не имеющие ничего общего с действительностью? Но исторические свидетельства летописей о кровавых междоусобицах князей, нашествиях карательных отрядов Орды, периодических, хотя и редких в сравнении с последующими веками, неурожаях и голодовках, наконец, Куликовская битва вряд ли могут быть подвергнуты сомнению. Тогда мы имеем *две правды* и *две истории* Северо-Восточной Руси: одну для лесного человека, хозяйствующего по технологии подсечно-огневого земледелия, и вторую для князей, церкви, горожан, крестьян ополций, хозяйствующих по тех-

нологии пашенного земледелия. Первая практически никому не известна, вторая – известна всем чуть ли не с пеленок. Первая есть история большинства населения Руси, вторая – меньшинства, возможно, ничтожного, но по умолчанию (другая-то история практически не известна) распространяемая на весь этнос» (2, с. 91).

Вслед за этим он рассказывает нам о социально-экономическом кризисе XV в., который кардинально изменил русскую общественную эволюцию. «Безопасность, устойчивость существования, высокие урожаи, получаемые при подсечно-огневом земледелии⁹, обусловили темпы роста населения, невысказанно высокие не только для Западной Европы того времени, но и для всех стран и народов Средневековья: в XV веке население... Руси без малого удвоилось. Эти высокие темпы роста населения привели Русь к кризису: были исчерпаны возможности технологии подсечно-огневого земледелия, требовавшего в десятки раз больше пространств земли, чем при пахотном» (там же, с. 92).

Напомним: в конце XIX в. в России разразился известный аграрный кризис, когда демографический взрыв в деревне (1801 г. – 38 млн. человек, 1857 г. – 72 млн., 1897 г. – 129 млн.; из них только 13% – городское население; причем эти «13%» города резко завышены; больше полови-

⁹ Выше, в своей статье, Э.С. Кульпин произносит поразительные слова: технологии подсечно-огневого земледелия «позволяли иметь производительность труда... наивысшую за всю историю России, возможно, превышающую современную по зерноводству...» (2, с. 91).

ны «горожан», несомненно, вели по преимуществу сельскую жизнь) привел к исчерпанию возможностей экстенсивного пашенного земледелия, основанного на архаичных технологиях. И тогда тоже начали происходить события, типологически схожие с теми, которые описаны в замечательной работе Э.С. Кульпина...

В конце XV в. Русь, по словам автора, была **вынуждена** перейти к пашенному земледелию. Производство зерновых снизилось в 3–5 раз. Это падение произошло мгновенно: не более чем за 50 лет (жизнь двух-трех поколений). Ко всему прочему резко ухудшились климатические условия. «После длительного периода климатического оптимума новой эры (с VIII века¹⁰) в середине XVI века начался так называемый «малый ледниковый период». Переход от благоприятных климатических условий к неблагоприятным пришелся на XV век. Для любого переходного периода характерны высокая степень неустойчивости погоды, экстремальные природные явления: засухи, наводнения, бесснежные морозные зимы... Резкое ухудшение условий существования требовало кардинальных решений» (2, с. 92).

После этой констатации следует один из центральных тезисов кульпинской концепции: «Хозяйственный кризис, спровоцированный демографическим ростом и невозможностью далее эксплуатировать основную технологию земледелия (технологический кризис), ухудшение природных

¹⁰ За этим последует подъем средневековой Европы.

условий (для общества – это экологический кризис, для природы – лишь смена режима функционирования, но и природа испытывала стресс – антропогенизацию ландшафта) обусловили экономический, политический и идеологический кризисы. Экономический кризис выразался в падении уровня и качества жизни, политический – в неспособности господствующих слоев поддержать прежний уровень жизни населения без радикальных социально-экономических и социально-политических реформ. Эти реформы требовали идеологического обоснования, что означало пересмотр если не всей системы ценностей, то некоторых центральных ее элементов. Все это вместе составляло социально-экологический кризис, *самый тяжелый вид* кризиса, который время от времени переживает общество. Такой кризис обязательно требует выбора нового вектора эволюции. От того, каким будет выбор, зависела судьба русского этноса и в конечном счете – суперэтноса, цивилизации» (2).

Итак, резко возросши численно, древние русичи выходят из леса, образуют соседские общины, попадают в пространство государственной и церковной организации жизни. «Собственно говоря, именно тогда была создана материально-пространственная основа общества. Теперь уже нельзя вести речь о двух историях этноса. История этноса становится единой» (2, с. 93). – Но русский человек оказался в стрессовой ситуации и стремился к выходу из нее. И здесь Кульпин делает весьма небезупречный, на мой взгляд,

вывод: «Далее сработало универсальное правило: если общество не может найти выхода из кризиса..., оно делегирует свои права государству» (там же). – Можно подумать, что общество само по себе, государство – само. Особенно в те времена. Да, просто, «общества» и «государства» в современном смысле тогда не было. А были древние пахари и власть. Которая и занялась обустройством разрозненного и растерянного населения. Если бы существовало общество, то **такого** государства не возникло бы. – А вот следующий вывод точен: «Рядовой крестьянин второй половины XV века, в отличие от предков XIII–XIV веков, выбирал не между свободой и зависимостью, а перед ним был выбор подчинения: боярину, монастырю или государю» (2).

В результате в XVI в. возникает самодержавие, абсолютно независимое от населения и обладающее по отношению к нему неограниченными правами. «Полномочия, полученные Московским государством во время первого социально-экономического кризиса, на века (во многом вплоть до настоящего времени) определили путь развития Российского государства и общества, характер сложения суперэтнуса и современный (второй по счету) социально-экономический кризис» (там же). – Выход из кризиса XV в. самодержавие нашло в «ограблении соседей и захвате их природных ресурсов. В результате колонизация земель, закончившаяся в Западной Европе к XIII веку, в России продолжалась еще многие века и стала стержнем всей истории страны» (2).

Далее автор подчеркивает: для интенсивных форм хозяйствования необходима особая трудовая этика. Впоследствии ее назовут протестантской. Смысл ее в том, что человек спасается через труд («молись и работай»). Этим путем и пошла европейская цивилизация. На Руси же победа иосифлян над нестяжателями блокировала возможность становления подобного типа этики. К тому же перманентное расширение русских пространств естественным образом предполагало экстенсивный характер труда. Подводя итоги, Э.С. Кульпин говорит: «События социально-экономического кризиса XV века были центральными в процессе формирования российской цивилизации. С ним был связан переход от разорванности общества и культуры на две несовместимые одна с другой части (крестьян – полуязычников – обитателей лесов и христиан – обитателей городов и зон пашенного земледелия) к единству российского общества. В тот же период утвердилась особая роль Российского государства в жизни общества. Выбор между интенсивными или экстенсивными формами экономики был сделан в пользу экстенсивных ее форм. Следствием этого явилось превращение кратковременного для Западной Европы процесса – колонизации и распашки земель – в длительный, стержневой для истории России процесс. Присоединение все новых земель обусловило специфические, политические, социальные и этнические проблемы, затруднило складывание русского суперэтноса, реформирование общественного и государственного строя,

что привело, в частности, к современному кризису в развитии страны» (там же, с. 98).

Итак, небольшая работа Э.С. Кульпина, опубликованная в 1995 г. в журнале «Общественные науки и современность» и не ставшая в научном мире бестселлером, на самом деле дает невероятно много для уточнения наших знаний о русской истории и сегодняшнем дне. Правда, при всей высочайшей оценке этой концепции нельзя не отметить некоторые ее неточности. Речь идет о следующем. – Европейцы, закончив «первичную распашку» земель в XIII в., перешли к интенсивному на них труду, русские не остановились и принялись к экстенсивной распашке все новых и новых пространств. А что могло быть как-то иначе? – В Европе всегда немного земли и густое население. Результат: формирование института частной собственности на землю, крепостного права на землю и интенсивного хозяйствования. На Руси всегда много земли, почти «пустых» пространств, практически не заселенных и не ограниченных естественными преградами (горы, море), и мало людей. Результат: почти нет частной собственности на землю (есть «государственная», государева или Божья), крепостное право на людей и экстенсивное сельское хозяйство. Иными словами, социальные пути Европы и России, вне зависимости от исхода схватки нестяжателей и иосифлян, были во многом определены существеннейшим различием исходных условий. Трудно представить себе рождение трудовой этики протестантского типа на бес-

крайней и холодной Русской равнине. Тем не менее открытие Э.С. Кульпина дает нам возможность принципиально по-новому увидеть русскую историю первых ее столетий, глубже объясняет события XVI в., причины Смуты, формирование самодержавно-крепостнического порядка, «соответствовавшего» хозяйственному типу XVII–XVIII вв., и процесс его демонтажа, который начался великими реформами второй половины XIX в.

В общем и целом наша история после усвоения идей Э.С. Кульпина представляется примерно так. Как только в конце XV в. русичи выходят из леса, их хватает обученный монголами князь-полицейский. Возникает Московское государство. XVI век уходит на формирование того, что когда-то было названо Русской Системой. Новая Русь XVII–XVIII вв. – бедная, крепостническая, самодержавная (скажем, по Милову). XIX в. – подготовка и проведение реформы. Попытка освобождения от рабского порядка. Второй в отечественной истории демографический взрыв, «аграрный кризис». И не удержавшись в непривычных условиях эмансипации, Россия попадает под власть ВКП (б) – второго крепостного права большевиков. На этот раз оно продержалось пятьдесят пять лет: 1929 г. – начало коллективизации, 1974 г. – выдача паспортов колхозникам. Урбанизация – вот что разрушило сталинский строй. Причем, если в старые времена крестьяне бежали от крепостников и самодержавия в казаки, то в XX в. – в города. Там они обретали относительную

вольность. Сегодня (2012 год) Россия вновь перед выбором – интенсивное хозяйство и свобода или экстенсивное хозяйство и гебешная полицейщина...

Скажу еще о двух важных идеях Э.С. Кульпина, которых мы еще не касались.

Первое. Он ошибается, когда утверждает, что в XV в. произошел «переход от разорванности общества и культуры на две несовместимые одна с другой части... к единству российского общества». В том-то все и дело: Россия, преодолев один раскол, в XVI в. будет разорвана другим. Это то, что я называю «земщиной–опричниной». И этот раскол сопутствует нам сквозь века – Грозный, Петр, Сталин не давали ему уйти в небытие. При Петре же (я говорю об этом уже три десятилетия) страна была расколота на две враждебные друг другу «цивилизации» – европеизированную и традиционалистскую. И это стало одной из главных причин Революции. «Единство российского общества» – так и остается задачей, не решенной нашей историей.

Второе. Правда, здесь Кульпин в основном излагает мысли других исследователей. Но в контексте его работы они приобретают новую силу. Он пишет: «Отличия в истории европейской и российской цивилизаций в значительной мере определялись разной ролью христианской веры и монастырей в жизни соответствующих культур. Если в Европе монастыри стали первой организационной формой утверждения новой трудовой этики и подкреплявшего ее идеала «молись

и работай», то в России этого не произошло. Отчасти это было связано с глубокими традициями язычества в русской народной культуре. В центре деятельности людей, в том числе священнослужителей православной церкви, еще в XV–XVI веках стояла не трудовая, а магическая практика» (2, с. 94). – До второй половины XVI в. сохранялся языческий культ мертвых. Священнослужители поддерживали в людях дохристианскую веру в единение мертвых с живыми. В крестьянской среде с «попами» конкурировали колдуны и ведуны. Представители клира перенимали у них «волхования и чарования всякие». Даже в XVII в. были живы анимистические представления, культы березок, домовых, водяных, а местами даже Перуна и Хороса, которым «подкладывались требы». «Священник мог прожить своей профессией, только пройдя всю науку волхвов» (там же, с. 94). – Мирянин искал «близкого Бога», который был бы всегда и без особых трудов «доступен» просьбам верующего¹¹. Абстрактный Бог был непонятен. «Икона была самым распространенным объектом культа. Человек обращался не к Богу, а к иконе. Иностранцы, бывавшие в русских церквях той эпохи во время богослужения, видели непостижимую... картину молящих-

¹¹ В 1965 г. в ссылке Иосиф Бродский зафиксировал то же: «В деревне Бог живет не по углам, / Как думают насмешники, а всюду. / Он освящает кровлю и посуду / И честно двери делит пополам. / В деревне он – в избытке. В чугуне / он варит, по субботам чечевицу, / приплясывает сонно на огне, / подмигивает мне, как очевидцу. / Он изгороди ставит. Выдает / девицу за лесничего. И, в шутку, / устраивает вечный недолет / объездчику, стреляющему в утку...».

ся, обращенных в разные стороны и стоящих каждый перед своей иконой. Для тогдашнего общества икона была подлинным фетишем, она видит и слышит, живет и чувствует. В оплату за заботы икона должна была помогать ее владельцу, а если не выполняла своей функции, хозяин был вправе отказать ей в дальнейшем культе» (2, с. 95). – При всем этом низший клир был малограмотным, церковная дисциплина не отличалась высокими стандартами.

Разве эта «картинка» не помогает нам лучше понять «духовную ситуацию» начала XXI в.? Во всяком случае, ее истоки. – Разве мы теперь совсем другие? – Да, нет, конечно. При этом я никого и ничего не критикую. Просто констатирую.

И еще об одной работе Э.С. Кульпина. Точнее, это его диалог с польским историком Кшиштофом Питкевичем (директор Института Востока Познанского университета), опубликованный в том же журнале «Общественные науки и современность» (3). Материалу предпослана следующая вводка: «Между двумя смутами в истории Восточной Европы – в Золотой Орде (вторая половина XIV в.) и Московском царстве (начало XVII в.) на землях древней Руси и будущей Российской империи возникло могущественное государство – Великое княжество Литовское. К сожалению, российская общественность не слишком хорошо информирована об этом политическом и социокультурном феномене¹², а ведь соби- рание русских земель под единым политическим управлени-

¹² Несмотря на некоторую комичность стиля, это, безусловно, так.

ем начинала не Москва, а Литва. В начале XV в. не только население Великого княжества Литовского на 9/10 состояло из жителей древнерусских земель, но и язык общения и официальных документов здесь был древнерусский, восточнославянская элита принимала активное участие в жизни общества и государства. – Может ли история Литовского государства в XIII–XVI вв. в связи с этим рассматриваться как вариант развития российской цивилизации? Чем отличались тенденции эволюции государственной власти в Литве и Московском государстве? Каковы были различия в общественном развитии, формах самоуправления городского и сельского населения? Что было общего и различного в городском строе Литвы и Новгорода, Литвы и Западной Европы? Почему литовско-русский вариант российской цивилизации не смог стать господствующим?» (3, с. 80).

Отвечая на эти вопросы, рассказывая о «литовском» периоде русской истории, Э.С. Кульпин подводит нас к следующим выводам. Отечественное прошлое – это не последовательная смена киевского, ордынско-удельного и московского периодов. Вернее, не только это. Становление современной России происходило гораздо сложнее и, так сказать, многофакторнее. Редукция к возвышению Москвы и московской централизации неправильна; она обедняет русскую «энтелехию». – Мы обязаны знать и **политически**¹³ учитывать такие наши «начала»: древнеславян-

¹³ «Политически» – значит не только научно, но и практически. Это знание

ское, норманнское, киевское, новгородско-ганзейское, литовско-русское, ростово-суздальско-московское, ордынское, византийское, собственно-московское, казацкое, мало- и белорусское, европейско-петербургское, самодержавно-крепостническое, соборно-самоуправленческое, пореформенно-эмансипационное (1861–1917), «временно»-демократическое, военно-коммунистическое, нэповское, сталинское, хрущев-брежневское и т.п. Современная Россия состоит из этих (и других, можно продолжить) ингредиентов. Все эти «практики» и «теории» никуда не пропали. Включая высшее достижение отечества – художественную и интеллектуальную культуру XIX–XX столетий.

Когда-то я написал (но никогда не публиковал, полагая ее неудачной) работу «Россия между Европой и Евразией», в которой пытался выразить следующую мысль. И не мысль даже, а, как сказали бы наши предшественники из «Серебряного века» (на самом деле – «золотого»), – интуицию. Россия уходит то в Евразию (Орда), то в Европу (Литовско-русское государство и Новгородско-псковско-ганзейское народовластие), то пытается быть какой-то (не важно какой) самой-по-себе. Она меняет идентичности, ищет свой путь в истории... Но все это были такие традиционно-интеллигентские «размышления». Э.С. Кульпин же на конкретном материале показал, как происходил исторический рост России в литовском, ордынском и московско-рязанско-тверском из-

должно быть привнесено в сферу политики.

водах. Это принципиально новый взгляд, это та полифония, которая имманентна русскому, но еще далеко не усвоена современным обществом.

...Так вот, возвращаясь к скептической оценке В.Л. Иноземцевым продуктивности исторического знания для выработки эффективной стратегии выхода отечества из системного кризиса, зададимся вопросом: как же это возможно без учета всего того, о чем здесь говорилось? Без учета того, о чем пишут исследователи, подобные Э.С. Кульпину.

Однако и историки должны иметь в виду следующее...

Историческое понимание

Их ошибка в том, что они хотят понять «историю» на основе фактов, документов, археологии. Но «история» снимается культурой, которая ни в коей мере не есть «надстройка». Культура всегда в автономном плавании. Она – все то, что преодолевает «базис» (не в марксистском, конечно, смысле – «базис»). Вполне возможно, что именно это имел в виду Б.Л. Пастернак, когда говорил о «Новом Завете». Это – преодоление материально-фактических обусловленностей мира. Поэтому разговор о «русской бедности» (Л.В. Милов) или «русском богатстве» (все остальные) не имеет смысла. Смысл: культура, напряжение etc. Откуда он берется? Думаю, что с какого-то момента (не всегда так было, но мы в этом историческом моменте) смысл порождался горением

человеческой души («души воспламененной чьей-нибудь»). Она – высшее достижение человека (можно сказать: Бога, но тогда разговора не получится. Только молитва). О. Шпенглер утверждал: история – это то, что не есть математика. Что не счислимо. Я скажу: история – это то, что не есть «история». Что преодолевается культурой. Только способность к подъему, обретению нового качества является условием самосохранения, ревитализации основ, оздоровления почвы («и дышит почва и судьба»).

Трагизм человеческого существования в том, что все это (включая самосохранение) возможно через **само**пожертвование, через принесение в жертву своей самости, а не чужой. «Жить и сгорать у всех в обычае, но жизнь тогда лишь обес-смертишь, / Когда ей к свету и величию своею жертвой путь прочертишь». Это – ответ на то, что после Аушвица не может быть истории, поэзии и т.п.

Есть еще одно очень распространенное, хотя «внешне» вроде бы и не очень влиятельное, толкование истории – психологическое, физиологическое, «анатомическое». Объяснение происходившего и происходящего ищут **там**. Тогда история теряет всякий **смысл**. В чем-то это полезно, потому что никакого такого смысла из истории вычитать нельзя. И он, разумеется, изначально в нее не «вложен». (Это мое утверждение не является отрицанием религиозной идеи.) Смысл привносится в историю тем, повторю, что я называю культурой. Один из лучших примеров – история США. Го-

рячие и мужественные сердца переселенцев из Европы создали здесь уникальную цивилизацию. Но не их психология, физиология, анатомия («психологию» в понимании истории я отвергаю, когда с ее помощью хотят проникнуть в суть происходящего; этот медицинский, психиатрический подход редуцирует человека к его «базису», снимает в конечном счете ответственность за его действия; выдающийся пример: В.П. Булдаков о революции; так же «опасны» знаменитые работы З. Фрейда 20–30-х годов о воздействии всех этих дел на поведение масс, на политику; здесь отсутствует, повторю, главное – ответственность личности – что и есть культура; вместе с тем эротическое как важнейший раздел культуры, эротическое как надстройка, не-базис относится к истории как преодолению «данности»).

Необходимое нам историческое понимание возможно как проникновение в экзистенциальную ситуацию эпохи. Только так и тогда можно прочесть прошлое. Трансцензус осуществляется через эссенцию своей эпохи в экзистенцию исследуемой. В **этом** смысле никакой «объективной» истории быть не может. И это не есть приписывание прошлому содержания настоящего. Это открытие того, что в прошлом было лишь имплицитно (*in nuce*) и еще не могло не только состояться, но порою даже и проявиться. – Вот пример: В.О. Ключевский высоко ценил М.М. Сперанского. Посвятил ему немало сочувственных строк (этим он отличался от большинства русских гениев, которые презирали Михаил

Михайловича, – Достоевского, Толстого и пр.). Но и он не удержался в своей конечной оценке деятельности и мыслей этого реформатора. В дневниковой записи 24 апреля 1906 г. говорит о «стыдливой, совестливой сперанщине», которая «своими конституционными проектами... стала невольным провокатором, чтобы вывести на свежую воду декабристов» (1, с. 385). И далее: Сперанский «потом в составе следственной комиссии имел несчастье плакать при допросе своих попавшихся политических воспитанников» (там же).

Да разве об этом «сперанщина», разве это нам надобно знать об этом человеке? – Но Ключевский умер в 1911 г. и не мог знать, что конституционные проекты Сперанского не стыдливое, совестливое провокаторство, а гениально-органичный план конституционного порядка и правового государства для России. План, в котором учитывалась и специфика ее исторического развития, и ее историческая перспектива, и необходимость существовать в современном мире, а не провалиться в анахроническое ничто. Чтобы уразуметь это, надо было прожить XX век. В котором трижды (1906, 1917, 1993) идеи Михаила Михайловича определяли (во многом) русскую жизнь. – Это и есть: с нашей эссенцией – в их экзистенцию.

Но ведь тогда это и в нашу экзистенцию. Тогда мы начинаем понимать: некие, казалось бы, необъяснимые явления сегодняшней жизни имеют свои начала в нашем прошлом. Просто в этом прошлом эти начала оказались не понятыми

или их не заметили...

Мы начали этот краткий раздел с утверждения, что-де историки «ошибаются». Это, конечно, весьма «крутой» диагноз. Но в свою защиту должен сказать, что и русская власть, и значительная часть отечественного социума полагают то же.

Об истории и ее фальсификациях

Сегодня наше общество обеспокоено состоянием исторической науки. Неожиданно история стала актуальной. Не полеты в космос, не кибернетика, не даже борьба с лысенковщиной, но история. Так, была создана комиссия по борьбе с фальсификаторами. Это что-то вроде следственного комитета по раскрытию особо тяжких преступлений. Почему вдруг всех так заинтересовала история?

Да понятно, почему. Помните, как более ста лет назад В.И. Ленин испугался, что материя пропала? Казалось бы, ну что до этого юристу, журналисту, леворадикальному политику? Ведь не Максвелл же, не Эйнштейн, а переполошился! И правильно сделал, потому что коли материи нет, то как же мир существует? Не надо издеваться над вождем большевиков – он был прав. Как может существовать мир, если его нет? А если его нет, то как его преобразовывать?

О чем говорил Ильич? О том, что нет предмета для исследования. А раз нет предмета, то и ничего нет.

А теперь вернемся в наши времена. Чем так озабочены правнуки Ильича? Тем, что фальсифицируют историю. То есть в отличие от основателя они полагают, что история существует, но ее просто неправильно понимают или извращают. То есть все наоборот.

Вождь сожалел, что исчез предмет, и мы полностью с ним солидаризируемся. Мне кажется, что Владимир Ильич правильно разумел ситуацию: исчез понятный для бывшего симбирского гимназиста предмет изучения физики. В отличие от этого человека питерские чекисты думают, что все дело в неправильно собранной информации, что в принципе необходимо собрать адекватные данные («адреса, фамилии, явки», как говорит их руководитель). Они не догадываются, что даже самая лучшая в мире агентурная разработка, не замутная вражеской дезой, не может ответить на вопросы: что происходило в прошлом, что происходит сейчас и что возможно в обозримом будущем?

Хотя по-своему наши современники правы. Ну, что за странный вопрос: о чем? Актуальнее: как? В этом кардинальное различие эпох. Говоря марксистским языком, Ленин терзался о базисе, его правнуки – о надстройке.

Принципиально не будучи марксистами, скажем: понимаем мотивы и Ильича, и его преемников. Но войти в компанию не можем. По двум причинам. В результате оказалось: материя не исчезла, просто изменились представления о ней (а есть ли она, никто не знает). Поразительно, но то же самое

произошло с историей: представления о ней изменились, а вот есть ли она, никто не знает. Поэтому и фальсификация в принципе невозможна. (Речь идет о фальсификации в смысле нынешних начальников, а не К. Поппера. А в последнем смысле возможна.)

... В этой точке нашего «повествования» хочу обратиться к мнению одного проницательного российского политического аналитика. Он утверждает, что «Сталин» (сталинизм) – это тема, которая (наряду с либерализмом) всегда вызывает взрыв страстей. И кто только ни цитирует знаменитое: Сталин не остался в прошлом, он растворился в будущем. А какую «массовидную» ненависть вызывала робкая попытка десталинизации в годы медведевского президентства! – При этом настаиваю: без преодоления «Сталина», без десталинизации у нас нет дороги в историческое будущее. Мы всегда будем возвращаться.

Русский XX век в историко-культурном контексте. Зачем десталинизация?

Действительно, зачем? Сталин, его сатрапы, его жертвы, его современники давным-давно умерли. И, как справедливо указывают авторы газеты «Завтра», не Сталин виноват в безобразиях русской жизни последних двух десятилетий. Виноваты, конечно, мы сами.

И все-таки десталинизация нужна. Если пользоваться

большевистско-советскими штампами, то сталинизм есть высшая стадия ленинизма – как империализм капитализма или коммунизм социализма. Высшая стадия в том смысле, что именно в ней в совершенном виде реализуется то, что в первоначальных формах находилось в зародыше, интенции, лишь складывалось.

Что же такое аккумулировал в себе сталинизм (попутно замечу, десталинизация – это, в первую очередь, против сталинизма, а не против Сталина, поскольку Сталин не исчерпывает собою феномена сталинизма)?

1. Ненависть, или, как политкорректно говорят сегодня, протестный потенциал. Кого? – Да всех – всех народов, населявших Российскую империю, всех социальных сословий и групп, всех конфессий и т.д. Примеры: ненависть крестьянина к барину, еврея-иудея к статус-кво, рабочего – к фабриканту, буржуазии – к царской бюрократии, староверов – к синодальному православию, культурных черносотенцев – к высоким формам культуры и т.д.

2. Утопический тип сознания. Имеются в виду очень прочные в сознании как верхушечных культурных слоев, так и многомиллионных масс простонародья представления о возможности невозможного. Были бедными – станем богатыми, были в рабстве деспотизма – станем свободными, были в мировой системе отсталыми – станем первыми, старый мир разрушим до основания – и тут же на его руинах построим новый прекрасный мир, всех умерших воскресим (физи-

чески).

3. Отказ от всех фундаментальных ценностей человеческой истории, мировой цивилизации – религии, права, собственности, семьи, государства и т.д.

4. Альтернативное христианскому понимание природы и назначения человека. Отсюда новая мораль, снимающая с человека личную ответственность за содеянное и предполагающая обязательную презумпцию виновности другого (индивида, социального класса, этноса).

5. Понимание истории и социальных отношений как исключительно борьбы – неважно даже каких сил. Борьба – отец всего, – любят цитировать Гераклита сторонники сталинизма. Это означает доведение всякого конфликта, всякого противоречия до конца. Иначе говоря, господство принципа «или–или». И в этом смысле отказ от культуры как «изобретения» человечества для осуществления принципа «и–и» и улаживания конфликтов и противоречий на основе компромисса и в морально-правовых рамках.

6. Элементаризация или упрощение культурно-социальной действительности, что предполагает выбор в пользу наиболее примитивных форм решения конфликтов и кризисов, наиболее примитивных ответов на вызовы, которые предлагает современность.

7. ...

8. ... (пусть дополняют другие авторы)

Все это, повторим, соединилось и воплотилось в феноме-

не, который получил название «сталинизм». Можно сказать несколько иначе: это российский вариант агрегации всех этих «элементов». Разумеется, сталинизм в реальных исторических условиях переживал различные фазы своего бытования. То есть он не был в каждый данный момент равным самому себе на все 100%. Но по сути своей он был именно таковым. Сталинизм стал формой превращения сложной и весьма внутренне противоречивой структуры дореволюционного российского общества в общество нового образца.

Основной трагедией русского культурно-исторического типа в XX столетии явилось то, что сталинизм перекрыл все иные альтернативные возможности перехода России к массовому обществу. В начале XX в. Россия состояла из нескольких принципиально разных субкультур, которые особым образом и с неодинаковой скоростью искали пути и формы приспособления к этому типу социума (в социально-ключевых регионах мира он уже существовал). Сталинизм навязал себя России как способ перехода к массовому обществу.

Можно сформулировать по-другому: в России был избран этот путь в современность. Я не случайно говорю «в России», а не «Россией», поскольку не вся Россия и не все в России поддержали этот выбор. Соответственно, в ходе сталинизации России был сформирован новый тип человека, которому был присущ весь набор элементов, составивших феномен сталинизма.

Сталинизм в своем пределе и есть создание такого человека. Именно такой тип культуры, социальности и человека Россия представила миру в середине XX столетия. Именно они существуют и сегодня и являются доминантными. И как всегда в России, в отличие от Европы, где форма есть реализация содержания, у нас – операция по его прикрытию. И формы адекватны содержанию именно в этом смысле.

Что это означает на практике? Для того, чтобы войти в современный мир и занять в нем свое достойное место, Россия должна начать процесс постепенного, неуклонного, безотлагательного освобождения от ядовитых эссенций сталинизма. Необходимо отказаться от сталинской псевдомодернизации и найти в себе силы, доступные формы для подлинной модернизации, а на самом деле – нравственно-культурного восстановления (не в смысле реставрации) нормальных ценностных основ, процедур, институтов. Нормальных – в смысле органичных ее истории, апробированных развитием других стран. Возможно, придется созидать и нечто новое, ранее не бывшее.

Но для этого необходимо, чтобы общество, и прежде всего его мыслящие и ответственные группы, осознало экзистенциальную необходимость освобождения от сталинизма и экзистенциальную же опасность его удерживания. Задача сложная, но решаемая. В 1941–1942 гг. русский народ спас Россию, в 1956 г. – прекратил сталинизм в его наиболее оголтелой форме, в 1960–1970-е годы в рамках советчины со-

здал основы гражданского общества, в конце 1980-х – начале 1990-х нашел в себе мужество и умение отказаться от многих краеугольных устоев сталинизма.

Вместе с тем не следует недооценивать объективную сложность изживания сталинизма. У человечества пока нет опыта **внутреннего** преодоления тоталитаризма (есть, конечно, пример стран Центрально-Восточной Европы, но там тоталитарный строй был насильственно насажен СССР, а освобождение совпало с «возвращением» в Европу, вступлением в ЕС и НАТО). Что же касается нашей самоэмансипации, то она хоть и является предметом гордости, но таит в себе ряд весьма опасных «субстанций». Так, XX съезд КПСС («русский Нюрнберг») покончил с массовым террором, однако сохранил тоталитарные институты и процедуры. Революция конца 80-х – начала 90-х смела институты, но дух коммунистического порядка не испарился. Он пронизывает ткань общества, он в нашем поведении, инстинктах, поведенках. Ведь декоммунизации, десоветизации так и не случилось... (впрочем, об этом мы уже говорили).

О новом русском либерализме (а также консерватизме и о том, в чем особенно нуждается наша страна)

Итак, еще раз: некий российский политический аналитик недавно заметил: в нашем обществе есть две темы, кото-

рые, коснись их, мгновенно вызывают взрыв страстей. Это – Сталин и либерализм (либералы). Видимо, в двух этих словах зашифрован современный русский выбор. Мы вновь на перепутье. И дороги, судя по всему, – две. А не три, как в детских сказках; помните: направо пойдешь, налево пойдешь, прямо пойдешь... (как-то в 85-м гулял с годовалым сыном в Ботаническом саду, прибрели к большому камню, на нем три стрелки в разные стороны, под каждой надпись: «Ленин – жил», «Ленин – жив», «Ленин будет жить»; и, соответственно, три расходящиеся дорожки. Согласимся, сегодняшней выбор побогаче. Хотя путей два). Думаю, между «Сталин» и «либерализм» не проскочить. Третий, «центристский», курс России начала XXI в. заказан. А вот ровно столетие назад был возможен. Тогда было «три России» – черносотенная, леворадикальная и новая (современная, русско-европейская, просвещенная, созидательная и созидающая, трезвая, реформистски-энергичная etc.). Это о ней спустя десятилетия мечтал и сожалел А.И. Солженицын. Нам же в удел досталось «две» России. И в этом главная историческая заслуга «чудесного грузина» (Ильич о Кобе). Ему удалось совершенно органично соединить в непротиворечивое целое безумие и безответственность левых радикалов с самодовольно-тупым «мочиловым» погромщиков. Сделать это было непросто, но «горийский орел» (Б. Окуджава) понял главное, конститутивное в этих ранее враждовавших боевых отрядах: ненависть, насилие, ксенофобия, примитивизация

социального, самовлюбленность и т.п.

И потому – по крайней мере сегодня – мы лишены нормального «троичного» выбора. Это – прошу обратить внимание – один из наиболее печальных и негативных результатов большевистского эксперимента. Структурно мы вернулись к эпохе раскола русской культуры на две враждебных субкультуры (после Петра I). В ходе социальной эволюции, особенно вследствие «великих реформ» Александра II, мы получили троичную систему. К сожалению, в феврале Семнадцатого новая Россия, рожденная в ходе преодоления культурного раскола, внезапно, неожиданно и, по моему мнению, немотивированно покончила жизнь самоубийством (в этой работе эта тема обсуждаться не будет).

Итак, Сталин и (или) либерализм. «Сталин – сегодня» – это современное красно-белое черносотенство, это сплав советизма, русского национал-социализма, мифологически-утопического сознания, геополитических и конспирологических патологий, дуального типа мышления («мы–они»), абсолютного отказа от религиозного восприятия мира (зло в других, но не во мне) с переходом на позиции «сверхчеловека-мессии» и русской «сверхцивилизации-мессии» (здесь встречаются отечественный «космизм», евразийство и вселенский большевистский проект). Ну и многое другое, о чем говорить не станем, поскольку и эта тема не есть главная забота нашего текста.

В центре моего внимания – либерализм, точнее – новый

русский либерализм. И как социальное мировоззрение, и как общественное движение. Но почему «новый» и почему «русский»? – Вот и давайте поговорим – «почему». . . . Да, но мы ведь еще ничего не сказали о либерализме. И действительно ли он единственная альтернатива «Сталину», и что такое он сам по себе? Предлагаю не делать этого здесь: либерализм «раскроется» в ходе обсуждения.

Сейчас же хочу обратить внимание на ситуацию, относительно недавно возникшую в интеллектуальных дискуссиях и перекочевавшую в средства массовой информации. Суть ее в следующем: идет злобное ругательство либерализма и либералов и одновременно осуществляется наглая операция по присвоению себе титула «русских консерваторов-патриотов». В целом это одно действие одних и тех же людей. Сторонники «Сталина» в мировоззренческой дискуссии (которую они хотят превратить в бойню) настаивают на принципиальном, коренном различии либерализма и консерватизма. И если первый для них «продажная девка» Запада и символ национальной измены, более того – метафизическое зло, то второй – безусловное добро, на все времена имманентное русской психее.

Но это **абсолютно** не так. Либерализм и консерватизм выросли из одного корня. Это не антиподы, а суть две разные стратегии, направленные к одной цели – устройению человека и общества. Подчеркнем и повторим (это центральный тезис): две разные возможности реализации одной зада-

чи. Поэтому ни исторического, ни субстанционального права на наследие русского консерватизма современные погромно-националистические силы не имеют. (Как в свое время нацистские идеологи не обладали преимуществом по отношению, скажем, к Фихте и романтикам. Апелляция к ним была наглой фальшивкой.) По сути наши новые «консерваторы» прикрывают свою злобную агрессивность и человеконенавистничество плащом классического русского консерватизма. И потому этот плащ следует с них сорвать.

Еще одно: нынешние сталинопклонники эксплуатируют важнейшую «интуицию» традиционного консерватизма – пессимистическое видение природы человека. Но у него, как это хорошо известно, оно шло от христианской антропологии, от учения о «первородном грехе» (врожденной греховности человека; либерализм, напротив, гораздо более оптимистичен в этом ключевом вопросе). Как бы мы по-разному ни относились к центральному для христианства положению, оно, если угодно, преодолевается, снимается (в смысле: *aufheben*) фигурой самого Христа и следованием за ним (*die Nachfolge*). У современных русских квазиконсерваторов не «пессимизм» по отношению к человеку, но – ненависть, питаемая дымом Аушвитца и льдом Воркуты. Мы должны **это** иметь в виду. Сегодня тема «русский либерализм – русский консерватизм» – это тема ближайшей судьбы нашей родины.

...А теперь снизим уровень пафосности (увы, без нее было трудно обойтись в зачине раздела). Поговорим – вынуж-

денно коротко – о русском либерализме-консерватизме, его особенностях, достоинствах, слабостях, о его возможностях в наши дни.

* * *

С очевидностью мы видим либерализм и консерватизм во Франции начала XIX в. Эти слова впервые произносят, соответственно, Б. Констан и Ф. Шатобриан (тогда же появляется социализм – Сен-Симон, Фурье). Конечно, это «ответы» на политическую революцию во Франции (включая «наполеонство») и промышленную в Англии. Они изменили мир. С них начинается Modernity. Правда, еще в XVIII в. в соперничестве вигов и тори мы можем обнаружить начатки либерального и консервативного мирозерцаний. Или в философии эпохи Просвещения, или в учении Канта – основы либеральной **идеологии** (кстати, это – идеологии; **идеология** появляется тогда же; все это слом старого христианского мира и мифа; на Западе ранее спорили в рамках христианства или с ним, теперь **вне его**; хотя оно и «включается» в эти споры как одна из сторон). Или у Локка и Бёрка – основы консервативно-либерального подхода.

Россия узнает о либерализме и консерватизме (и о социализме) где-то в 30-е годы XIX в. Здесь следует иметь в виду следующее. Русская политическая мысль практически во всех ее изводах, направлениях формировалась после «инь-

екции» различных западных влияний. Сначала влияние-заимствование-освоение, затем переработка и, как результат, нечто свое, оригинальное, во многом несхожее с европейским «образцом».

К тому же, скажем еще раз, мы должны помнить: какой-то «абсолютной» разделительной линии между либерализмом и консерватизмом нет. Пример: в блестящей «Истории русского либерализма» В. Леонтовича нашлось место и М.М. Сперанскому, и Н.М. Карамзину. Хотя у последнего репутация отца-основателя русского консерватизма. А в нем было и то, и другое, что порождало неповторимый склад мысли. Или П.Б. Струве, которого Н.А. Бердяев называл (я полностью согласен) лучшим политическим мыслителем России начала XX в., а о. С. Булгаков (мы уже говорили об этом – для запоминания) при отпевании в храме Св. блгв. кн. Александра Невского на рю Дарю в Париже – «крестоносцем русской свободы», кто он? Либерал, консерватор? И то и другое. Плюс марксист, просвещенный националист, «государственник» и т.д. Или один из отцов-основателей русского либерализма К.Д. Кавелин? Казалось бы, классический либерал, гуманист 40-х годов, а в конце жизни создал концепцию самодержавной республики, во главе которой стоит неограниченный монарх, опирающийся на систему крестьянских общин и узаконивший запрет частной собственности. С отказом от парламентаризма, конституционализма, «партийности».

Поверхностно и мнение, что либералы были оппозиционерами, а консерваторы защитниками статус-кво. Вновь пример Сперанского и Карамзина. Михаил Михайлович свои либеральные реформы пытался делать руками императора, будучи его «первым министром». А Николай Михайлович критиковал «либеральную» политику Александра I с консервативных позиций. То есть наличное «либеральное» самодержавие отвергалось во имя и от имени аутентичного, идеального, «нелиберального». Иначе говоря, Карамзин находился в оппозиции. Причем сетовал Сперанскому на то, что его реформы могут разрушить исторически складывавшееся «гражданское общество». Хотя известно, что защита «civil society» есть прерогатива либералов. Сперанский же при Николае I составил Свод законов империи. И у него прочная репутация законника, что тоже имманентное «качество» либерализма. Но этот его Свод «заморозил» Россию в законах самодержавно-крепостнического порядка. А принадлежащий перу Михаила Михайловича проект конституции – это дальний предок нынешней с ее «самодержавным президентством».

Схожая «история» со славянофилами и западниками. Первые-де тянули в старину (азиатчину, татарщину), были ретроgrадами, а вторые – европейцы, борцы с деспотическим абсолютизмом. Нет, в славянофильстве мы можем обнаружить сильное либеральное начало, последовательную по отношению к постпетровскому самодержавию «граждан-

скую» («земля») оппозицию, вообще отрицание романовской полицейщины. Напротив, западники (не все, конечно, и далеко не во всем) нередко тянули к «государственничеству», апологии сильной власти и оправданию «объективности» наличного деспотического порядка.

Говоря о «либерализме-консерватизме», следует помнить об уникальной природе и исторической роли русской власти – о самодержавии. Оно, как известно, не без успеха, не без основания претендовало на то, чтобы быть **всем** (Павел: в России только тот что-то значит, с кем я разговариваю и пока я разговариваю; через двести лет Путин скажет: я здесь отвечаю за все), **субстанцией**; остальное и остальные – функции. А коли так, то оно было и консервативным, и либеральным (и репрессивным, и эмансипирующим, и крепостническим, и вольнодумническим, и революционным, и реакционным). Папа и Лютер в одном лице, единственный европеец и единственный (восточный, деспотичный) «азиат» и т.п. Самодержавие проявляло эти свои качества по мере необходимости (т.е. выгоды для себя). Причем и либеральные, и консервативные (и прочие) акции оно проводило с опорой на определенные силы в обществе. Власть всегда находила в нем единомышленников и подельников. Заметим также, что государство на Руси являлось и крупным мыслителем. Не случайно ведь теоретиками почти всех серьезных преобразований выступали чиновники.

Эта русская особенность приводила к следующему. Посколь-

ку власть была **всем**, то не существовало публичной политики как пространства, в котором разворачивается конкуренция и сотрудничество различных **общественных** сил. В результате либералы и консерваторы сталкивались **внутри** государства. Все помнят слова В.О. Ключевского: в России нет борьбы партий, но есть борьба учреждений. Так, известный конфликт либерального Минфина и консервативного МВД (вторая половина XIX в.) прочитывался как аналог соперничества британских виггов и тори. Но в том-то и дело, что у них шла пряха за власть, а у нас – внутри ее.

И еще одно: ни либералы, ни консерваторы (как, впрочем, ни революционеры, ни реакционеры и т.п.) не поняли эту **синтетическую** природу отечественного кратоса. Как правило, они видели в нем лишь одну сторону; здесь не очень-то и важно, **какую**. Поэтому они или уповали на власть, или объявляли ей смертный бой. Безусловно, в этом была коренная слабость русского «либерализма-консерватизма».

Продолжая эту тему, укажем и на органические, так сказать, естественные «недостатки» классического либерализма и консерватизма XIX–начала XX в. Причем речь идет не только о наших изводах, но и о западных. Либерал, стремясь к большей свободе, открытости, умножению возможностей человека, уводя от старых болезней, предрассудков, противоречий, ввергал его в круг новых проблем, неопределенностей, столкновений. Реформа решает одни проблемы и порождает другие (прав Ленин: реформа 1861 г. подготовила

революцию 1905 г.). Консерватор, имея в виду эту «негативную диалектику», стремился не допустить новых, возможно, еще более острых конфликтов, сохранял статус-кво, загоняя наличные противоречия вглубь. И тем самым готовил революционный взрыв. – Вот почему в XX столетии западные либерализм и консерватизм существенно изменились, во многом преодолев эти свои врожденные свойства.

Разумеется, трагедией русского либерализма стала Февральская революция. Поведение П.Н. Милюкова в конце 1916 г. (выступление в Думе), операция с отречением и составлением правонерелевантного Манифеста об отречении (В.Д. Набоков, барон Б.Э. Нольде; в эмиграции они посыпали голову пеплом, но было поздно; кстати, все это прекрасно проанализировано П.Н. Новгородцевым), постепенный уход от власти; разочарование в содеянном (когда в середине 1917 г. Струве был задан вопрос, чему он так радовался в начале марта, тот сказал: «дурак был»). А ведь это было лучшее и практически наиболее подготовленное поколение русской либеральной интеллигенции. Травма оказалась крайне болезненной. Русское сознание еще не излечилось от нее. «Либерализм» в русском языке имеет скорее негативные, чем какие-либо иные коннотации.

Безусловно, для нас бесценен опыт эмигрантской России. Там продолжалась работа по формированию нового русского мирозерцания. На повестке дня стояла задача синтеза либерального, консервативного, социалистического и христи-

анско-демократического начал. Такой социальной лабораторией стал журнал «Современные записки» (Париж, 1920–1940, 70 выпусков). Историческая ситуация (в России и на Западе) требовала от авторов быть либералами – против тоталитаризма, консерваторами – против тоталитаризма, социал-демократами–социалистами – против извращенных тоталитарных социализмов, христианами – против богоборческих тоталитаризмов и т.д. Струве называл все это философией «середины», новым аристотелианством.

Другой бесценный опыт – внутрисоветский. Это позиция правозащитников. Впервые в русской истории главными стали вопросы **правовые** и защиты прав человека. Так, право из ценности функциональной, операционной превращалось в ценность бытийственную, онтологическую. Произошла «революция сознания». Не идеи справедливости и равенства, а значимость права как единственного и обязательного регулятора жизни стала в центре русской мысли. Можно сказать, что русское сознание окончательно вступило в Modernity.

Но что для нас сегодняшних исторические русские либерализм и консерватизм? Можем ли мы воспользоваться наработанным ими? – Думаю: лишь в **общекультурном смысле**. Впрочем, это касается не только нас, и в других странах так же. Мир стал иным. К тому же классический русский либерализм–консерватизм не знал в полной мере советского коммунизма и двадцатилетнего периода без него.

Смысл же этого феномена (либерально-консервативного) в том, что он свидетельствует: русская культура – это очень сложный, «высококачественный продукт», мы не «третье-сортная» интеллектуальная сила, мы – «можем». Одновременно его история это и некое нам послание, предупреждение. Старый русский либерализм-консерватизм, как это ни горько признавать, несет определенную долю вины за то, что мы провалились в XX в. Речь идет и о политической ответственности, и об **опасностях утопического сознания**, и о недостаточном знании собственной страны, и о вредности механистической рецепции чужих идей, и о высокомерном отказе от общечеловеческого опыта. Увы, все это было присуще этим замечательным людям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.